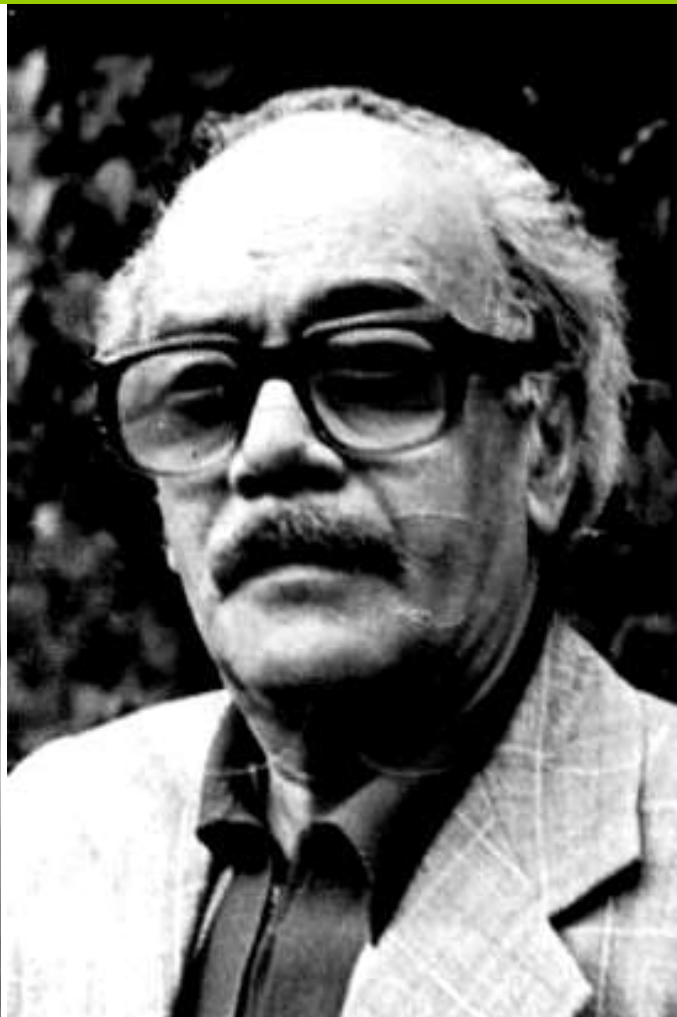
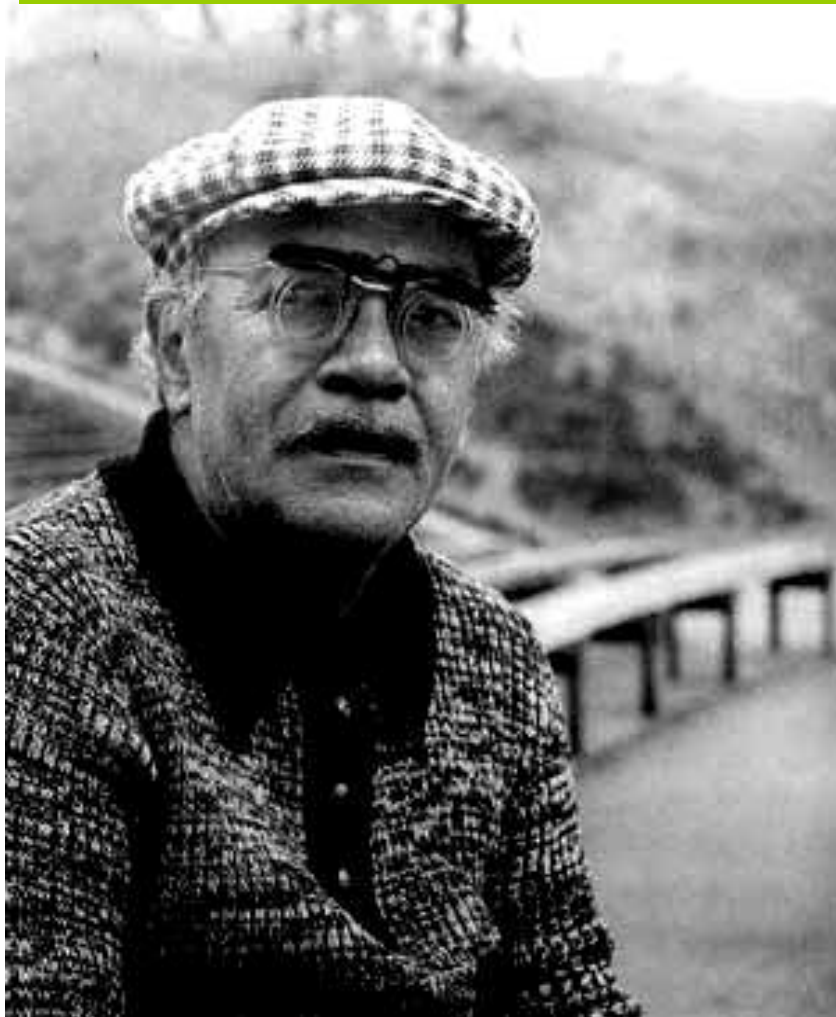

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Часть 20. СТИХИ.

САМОЙЛОВ ДАВИД

Составитель МУЧНИК ЭТЯ БОРИСОВНА

Самойлов (настоящая фамилия - Кауфман) Давид Самуилович (1920 - 1990), поэт. Родился 1 июня в Москве в семье военного врача много занимался его образованием.

В 1938 окончил с отличием школу и без экзаменов поступил в ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории). В те годы там преподавал весь цвет филологической науки. Тогда же познакомился с Сельвинским, который определил его в поэтический семинар при Гослитиздате, ходил в Литературный институт на семинары Асеева, Луговского. В 1941 окончил ИФЛИ, тогда же публикует свои первые стихи.

Через несколько дней после начала войны уходит добровольцем. После тяжелого ранения пять месяцев провел в госпиталях, затем снова возвращается на фронт. Последнее звание - старший сержант. В конце ноября 1945 с эшелоном демобилизованных вернулся в Москву. Решает жить литературным трудом, то есть перебивается случайными заказами, подрабатывает на радио, пишет песни, литературные композиции.

Только в 1958 выходит первая книга стихов "Ближние страны". С этого времени регулярно появляются его поэтические сборники: "Второй перевал" (1963); "Дни" (1970); "Перебирая наши даты...". Д. Самойлов участвовал в создании спектаклей в Театре на Таганке, в "Современнике", писал песни для спектаклей и кинофильмов. В 1970-е вышли сборники "Волна и камень", "Весть"; в 1981 - "Залив". С 1976 жил в городе Пяну, много переводил с польского, чешского, венгерского и языков народов СССР. Д. Самойлов умер 23 марта 1990 в Москве.

45-Я ГАЙДНА

Исчерпан разговор. Осточертели речи.
Все ясно и наглядно.
Уходят наши дни и задувают свечи,
Как музыканты Гайдна.

Брать многого с собой я вовсе не хочу:
Платок, рубашка, бритва.
Хотел бы только взять последнюю свечу
С последнего пюпитра.

Когда свой приговор произнесу в ночи
Под завыванье ветра,
Быть может, отрезвлюсь, увидев, как свечи
Истаивает цедра.

* * *

А слово — не орудье мести! Нет!
И, может, даже не бальзам на раны.
Оно подтачивает корень драмы,
Разоблачает скрытый в ней сюжет.

Сюжет не тот, чьи нити в монологе,
Который знойно сотрясает зал.
А слово то, которое в итоге
Суфлер забыл и ты не подсказал.

АЛЕНУШКА

Когда настанет расставаться -
Тогда слетает мишура...
Аленушка, запомни братца!
Прощай - ни пуха ни пера!

Я провожать тебя не выйду,
Чтоб не вернулась с полпути.
Аленушка, забудь обиду
И братца старого прости.

Твое ль высокое несчастье,
Моя ль высокая беда?..

Аленушка, не возвращайся,
Не возвращайся никогда.

АПРЕЛЬ

Словно красавица, неприбранная, заспанная,
Закинув голову, забросив косы за спину,
Глядит апрель на птичий перелет
Глазами синими, как небо и как лед.
Еще земля огромными глотками
Пьет талый снег у мельничных запруд,
Как ходоки с большими кадыками
Холодный квас перед дорогой пьют.
И вся земля - ходок перед дорогой -
Вдыхает запах далей и полей,
Прощаясь с хозяйкой-недотрогой,
Следящей за полетом журавлей.

АПРЕЛЬСКИЙ ЛЕС

Давайте каждый день приумножать богатство
Апрельской тишины в безлиственном лесу.
Не надо торопить. Не надо домогаться,
Чтоб отроческий лес скорей отер слезу.

Ведь нынче та пора, редчайший час сезона,
Когда и время - вспять и будет молодеть,
Когда всего шальней растрепанная крона
И шапку не торопится надеть.

О, этот странный час обратного движенья
Из старости!.. Куда?.. Куда - не все ль равно!
Как будто корешок волшебного женьшеня
Подмешан был вчера в холодное вино.

Апрельский лес спешит из отрочества в детство.
И воды вспять текут по талому ручью.
И птицы вспять летят... Мы из того же теста -
К начальному, назад, спешим небытию...

* * *

Ах, наверное, Анна Андревна,
Вы вовсе не правы.
Не из сора родятся стихи,
А из горькой отравы,
А из горькой и жгучей,
Которая корчит и травит.
И погубит.
 И только травинку
Для строчки оставит.

БАБОЧКА

Я тебя с ладони сдуну,
Чтоб не повредить пыльцу.
Улетай за эту дюну.
Лето близится к концу.

Над цветами по полянам,
Над стеною камыша
Поживи своим обманом,
Мятлик, бабочка, душа.

БАЛЛАДА (ТЫ МОЕЙ НИКОГДА НЕ БУДЕШЬ...)

- Ты моей никогда не будешь,
Ты моей никогда не станешь,
Наяву меня не полюбишь
И во сне меня не обманешь...

На юру загорятся листья,
За горой загорится море.
По дороге промчатся рысью
Черноперых всадников двое.

Кони их пробегут меж холмами
По лесам в осеннем уборе,
И исчезнут они в тумане,
А за ними погаснет море.

Будут терпкие листья зыбки
На дубах старинного бора.

И останутся лишь обрывки
Их неясного разговора:

- Ты моим никогда не будешь,
Ты моим никогда не станешь.
Наяву меня не погубишь
И во сне меня не приманишь.

БАТЮШКОВ

Цель людей и цель планет
К Богу тайная дорога.
Но какая цель у Бога?
Неужели цели нет?

БЕАТРИЧЕ

Говорят, Беатриче была горожанка,
Некрасивая, толстая, злая.
Но упала любовь на сурового Данта,
Как на камень серьга золотая.

Он ее подобрал. И рассматривал долго,
И смотрел, и держал на ладони.
И забрал навсегда. И запел от восторга
О своей некрасивой мадонне.

А она, несмотря на свою неученость,
Вдруг расслышала в кухонном гаме
Тайный зов. И узнала свою обреченность.
И надела набор с жемчугами.

И, свою обреченность почувствовав скромно,
Хорошела, худела, бледнела,
Обрела розоватую матовость, словно
Мертвый жемчуг близ теплого тела.

Он же издали сетовал на безответность
И не знал, озаренный веками,
Каково было ей, обреченной на вечность,
Спорить в лавочках с зеленщиками.

В шумном доме орали драчливые дети,

Слуги бегали, хлопали двери.
Но они были двое. Не нужен был третий
Этой женщине и Алигьери.

БЕЛЫЕ СТИХИ

(Рембо в Париже)

Рано утром приходят в скверы
Одинокие злые старухи,
И скучающие рантьееры
На скамейках читают газеты.
Здесь тепло, розовато, влажно,
Город заспан, как детские щеки.
На кирпично-красных площадках
Бьют пожарные струи фонтанов,
И подстриженные газоны
Размалеваны тенью и солнцем.

В это утро по главной дорожке
Шел веселый и рыжий парень
В желтовато-зеленой ковбойке.
А за парнем шагала лошадь.
Эта лошадь была прекрасна,
Как бывает прекрасна лошадь -
Лошадь розовая и голубая,
Как дессу незамужней дамы,
Шея - словно рука балерины,
Уши - словно чуткие листья,
Ноздри - словно из серой замши,
И глаза азиатской рабыни.

Парень шел и у всех газировщиц
Покупал воду с сиропом,
А его белоснежная лошадь
Наблюдала, как на стекле
Оседает озон с сиропом.
Но, наверно, ей надоело
Наблюдать за веселым парнем,
И она отошла к газону
И, ступив копытом на клумбу,
Стала кушать цветы и листья,
Выбирая, какие получше.
- Кыш!- воскликнули все рантьееры.

- Брысь!- вскричали злые старухи. -
Что такое - шляется лошадь,
Нарушая общий порядок!-
Лошадь им ничего не сказала,
Поглядела долго и грустно
И последовала за парнем.

Вот и все - ничего не случилось,
Просто шел по улице парень,
Пил повсюду воду с сиропом,
А за парнем шагала лошадь...

Это странное стихотворенье
Посвящается нам с тобою.
Мы с тобой в чудеса не верим,
Оттого их у нас не бывает...
1958

БЕРТОЛЬД ШВАРЦ

(Монолог)

Я, Шварц Бертольд, смиреннейший монах,
Презрел людей за дьявольские нравы.
Я изобрел пылинку, порох, прах,
Ничтожный порошок для забавы.
Смеялась надо мной исподтишка
Вся наша уважаемая братья:
"Что может выдумать он, кроме порошка!
Он порох выдумал! Нашел занятие!"
Да, порох, прах, пылинку! Для шутих,
Для фейерверков и для рассыпных
Хвостов павлиньих. Вспыхивает - пых!-
И роем, как с небесной наковальни,
Слетают искры! О, как я люблю
Искр воркованье, света ликование!..

Но то, что создал я для любованья,
На пагубу похитил сатана.
Да, искры полетели с наковален,
Взревели, как быки, кузнечные меха.
И оказалось, что от смеха до греха,
Не шаг - полшага, два вершка, вершок.
А я - клянусь спасеньем, боже правый!-
Я изобрел всего лишь для забавы

Сей порох, прах, ничтожный порошок!

Я, Шварц Бертольд, смиреннейший монах,
Вас спрашиваю, как мне жить на свете?
Ведь я хотел, чтоб радовались дети.
Но создал не на радость, а на страх!
И порошок мой в тугих стволах
Обрел вдруг сатанинское дыханье...
Я сотворил паденье крепостей,
И смерть солдат, и храмов полыханье.

Моя рука - гляди!- обожжена,
О, господи, тебе, тебе во славу...
Занем дозволил ты, чтоб сатана
Похитил порох, детскую забаву!
Неужто все, чего в тиши ночей
Пытливо достигает наше знанье,
Есть разрушенье, а не созиданье.
Чей умысел здесь? Злобный разум чей?

БЕССОНИЦА

Я разлюбил себя. Тоскую
От неприязни к бытию.
Клянупу и плоть свою людскую,
И душу брENNую свою.

Когда-то погружался в сон
Я, словно в воду, бед не чая.
Теперь рассветный час встречаю,
Бессонницею обнесен.

Она стоит вокруг, стоглаза,
И сыплет в очи горсть песка.
От смутного ее рассказа
На сердце смертная тоска.

И я не сплю - не от боязни,
Что утром не открою глаз.
Лишь чувством острой неприязни
К себе - встречаю ранний час.

\

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Везде холера, всюду карантин,
И отпущенья вскорости не жди.
А перед ним пространные картины
И в скудных окнах долгие дожди.

Но почему-то сны его воздушны,
И словно в детстве - бормотанье, вздор.
И почему-то рифмы простодушны,
И мысль ему любая не в укор.

Какая мудрость в каждом сочлененье
Согласной с гласной! Есть ли в том корысть!
И кто придумал это сочиненье!
Какая это радость - перья грызть!

Быть, хоть ненадолго, с собой в согласие
И поражаться своему уму!
Кому б прочесть - Анисье иль Настасье?
Ей-богу, Пушкин, все равно кому!

И за полночь пиши, и спи за полдень,
И будь счастлив, и бормочи во сне!
Благодаренье богу - ты свободен -
В России, в Болдине, в карантине...

БРЕЙГЕЛЬ

(Картина)

Мария была курчава.
Толстые губы припухли.
Она дитя качала,
Помешивая угли.

Потрескавшейся, смуглой
Рукой в ночное время
Помешивала угли.
Так было в Вифлееме.

Шли пастухи от стада,
Между собой говорили:
— Зайти, узнать бы надо,

Что там в доме Марии?

Вошли. В дыре для дыма
Одна звезда горела.
Мария была нелюдима.
Сидела, ребенка грела.

И старший воскликнул: — Мальчик!
И благословил ее сына.
И, помолившись, младший
Дал ей хлеба и сыра.

И поднял третий старец
Родившееся чадо.
И пел, что новый агнец
Явился среди стада.

Да минет его голод,
Не минет его достаток.
Пусть век его будет долог,
А час скончания краток.

И желтыми угольками
Глядели на них бараны,
Как двигали кадыками
И бороды задирали.

И, сотворив заклинанье,
Сказали: — Откроем вены
Баранам, свершим закланье,
Да будут благословенны!

Сказала хрипло: — Баранов
Зовут Шошуа и Мадох.
И богу я не отдам их,
А также ягнят и маток.

— Как знаешь, — они отвечали,
Гляди, не накликай печали!.. —
Шли, головами качали
И пожимали плечами.

* * *

Был ливень. И вызвездил крону.
А по иссякании вод,
Подобно огромному клену,
Вверху замерцал небосвод.
Вкруг дерева ночи чернейшей
Легла золотая стезя.
И — молнии в мокрой черешне —
Глаза.

* * *

Была туманная луна,
И были нежные березы...
О март-апрель, какие слезы!
Во сне какие имена!

Туман весны, туман страстей,
Рассудка тайные угрозы...
О март-апрель, какие слезы -
Спросонья, словно у детей!..

Как корочку, хрустящий след
Жуют рассветные морозы...
О март-апрель, какие слезы -
Причины и названья нет!

Вдали, за гранью голубой,
Гудят в тумане тепловозы...
О март-апрель, какие слезы!
О чем ты плачешь? Что с тобой?

В ДЕРЕВНЕ

В деревне благодарен дому
И благодарен кровле, благодарен печке,
Особенно когда деревья гнутся долу
И ветер гасит звезды, словно свечки.

Сверчку в деревне благодарен,
И фитилю, и керосину.
Особенно когда пурга ударит

Во всю медвежью голосину.

Соседу благодарен и соседке,
Сторожевой собаке.
Особенно когда луна сквозь ветки
Глядит во мраке.

И благодарен верному уму
И доброму письму в деревне...
Любви благодаренье и всему,
Всему — благодаренье!

* * *

В меня ты бросишь грешные слова.
От них ты отречешься вскоре.
Но слово - нет! - не сорная трава,
Не палый лист на косогоре.

Как жалко мне тебя в минуты отречения,
Когда любое слово - не твое.
И побеждает ум, а увлечение
Отжато, как белье.

Прости меня за то, что я суров,
Что повторяюсь и бегу по кругу,
За справедливость всех несправедливых слов,
Кидаемых друг другу.

ВДОХНОВЕНЬЕ

Жду, как заваленный в забое,
Что стих пробьется в жизнь мою.
Бью в это темное, рябое,
В слепое, в каменное бью.

Прислушиваюсь: не слышать ли,
Что пробиваются ко мне.
Но это только капли, капли
Скользят по каменной стене.

Жду, как заваленный в забое,
Долблю железную руду,-

Не пробивается ль живое
Навстречу моему труду?..

Жду исступленно и устало,
Бью в камень медленно и зло...
О, только бы оно пришло!
О, только бы не опоздало!

* * *

Вдруг странный стих во мне родится,
Я не могу его поймать.
Какие-то слова и лица.
И время тает или длится.
Нет! Невозможно научиться
Себя и ближних понимать!

* * *

Веселой радости общенья
Я был когда-то весь исполнен.
Она подобно освещенью -
Включаем и о нем не помним.
Мой быт не требовал решений,
Он был поверх добра и зла...
А огневая лава отношений
Сжигает. Душит, как помпейская зола.

* * *

Весь лес листвою переполнен.
Он весь кричит: тону! тону!
И мы уже почти не помним,
Каким он был семь дней тому.

Как забывается дурное!
А память о счастливом дне,
Как излученье роковое,
Накапливается во мне.

Накапливается, как стронций
В крови. И жжет меня дотла —

Лицо, улыбка, листья, солнце.
О горе! Я не помню зла!

* * *

Вечность - предположение -
Есть набирание сил
Для остановки движенья
В круговращенье светил.

Время - только отсрочка,
Пространство - только порог.
А цель Вселенной - точка.
И эта точка - Бог.

* * *

Вода моя! Где тайники твои,
Где ледники, где глубина подвала?
Струи ручья всю ночь, как соловьи,
Рокочут в темной чаше краснотала.

Ах, утоли меня, вода ручья,
Кинь в губы мне семь звезд, семь терпких ягод,
Кинь, в краснотале черном рокоча,
Семь звезд, что предо мной созвездьем лягут.

Я притаюсь, притихну, как стрелок,
Боящийся спугнуть семью оленей.
Ручей лизнет мне руку, как телок,
И притулится у моих коленей.

* * *

Возвращаюсь к тебе, дорогая,
К твоим милым и легким словам.
На пороге, меня обнимая,
Дашь ты волю свободным слезам.

— Ах,— ты скажешь,— как времени много
Миновало! Какие дела!

Неужели так долго дорога,
Милый мой, тебя к дому вела!

Не отвечу, к тебе припадая,
Ибо правды тебе не скажу.
Возвращаюсь к тебе, дорогая,
У тебя на пороге лежу.

* * *

Вот в эту пору листопада,
Где ветра кислое вино,
Когда и липших слез не надо -
В глазницах сада их полно,

Тебя умею пожалеть.
Понять умею. Но доньше
Никто не мог преодолеть
Твоей заботливой гордыни.

Ты и сама над ней не властна,
Как все не властны над судьбой.
А осень гибелью опасна.
И прямо в горло бьет прибой.

* * *

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нет у их. И все разрешено.

* * *

Все реже думаю о том,
Кому понравлюсь, как понравлюсь.

Все чаще думаю о том,
Куда пойду, куда направлюсь.

Пусть те, кто каменно-тверды,
Своим всезнанием гордятся.
Стою. Потеряны следы.
Куда пойти? Куда податься?

Где путь меж добротой и злобой?
И где граничат свет и тьма?
И где он, этот мир особый
Успокоенья и ума?

Когда обманчивая внешность
Обескураживает всех,
Где эти мужество и нежность,
Вернейшие из наших вех?

И нет священной злобы, нет,
Не может быть священной злобы.
Зачем, губительный стилет,
Тебе уподобляют слово!

Кто прикасается к словам,
Не должен прикасаться к стали.
На верность добрым божествам
Не надо клясться на кинжале!

Отдай кинжал тому, кто слаб,
Чье слово лживо или слабо.
У нас иной и лад, и склад.
И все. И большего не надо.

ВЫЕЗД

Помню - папа еще молодой,
Помню выезд, какие-то сборы.
И извозчик лихой, завитой,
Конь, пролетка, и кнут, и рессоры.

А в Москве - допотопный трамвай,
Где прицепом - старинная конка.
А над Екатерининским - грай.

Все впечаталось в память ребенка.

Помню - мама еще молода,
Улыбается нашим соседям.
И куда-то мы едем. Куда?
Ах, куда-то, зачем-то мы едем...

А Москва высока и светла.
Суматоха Охотного ряда.
А потом - купола, купола.
И мы едем, все едем куда-то.

Звонко цокает кованый конь
О булыжник в каком-то проезде.
Куполов угасает огонь,
Зажигаются свечи созвездий.

Папа молод. И мать молода,
Конь горяч, и пролетка крылата.
И мы едем незнамо куда -
Всё мы едем и едем куда-то.
1966

* * *

Выйти из дому при ветре,
По непогоду выйти.
Тучи и рощи рассветны
Перед началом событий.

Холодно. Вольно. Бесстрашно.
Ветрено. Холодно. Вольно.
Льется рассветное брашно.
Я отстрадал — и довольно!

Выйти из дому при ветре
И поклониться отчизне.
Надо готовиться к смерти
Так, как готовятся к жизни...

* * *

Выспалось дитя. Развеселилось.
Ляльки-погремушки стало брать.

Рассмеялось и разговорилось.
Вот ему какая благодать!

А когда деревья черной ратью
Стали тихо отходить во тьму,
Испугалось. Страшно быть дитятью!
Поскорей бы возрасть ему!

ГОЛОСА

Здесь дерево качается: — Прощай!—
Там дом зовет: — Остановись, прохожий!
Дорога простирается: — Пластай
Меня и по дубленой коже
Моей шагай, топчи меня пятой,
Не верь домам, зовущим поселиться.
Верь дереву и мне.—

А дом: — Постой!—

Дом желтой дверью свищет, как синица.
А дерево опять: — Ступай, ступай,
Не оборачивайся.—

А дорога:

— Топчи пятой, подошвою строгай.
Я пыльная, но я веду до бога!—
Где пыль, там бог.
Где бог, там дух и прах.
А я живу не духом, а соблазном.
А я живу, качаясь в двух мирах,
В борении моем однообразном.
А дерево опять: — Ну, уходи,
Не медли, как любовник надоевший!—
Опять дорога мне: — Не тяготи!
Ступай отсюда, конный или пеший.—
А дом — оконной плачет он слезой.
А дерево опять ко мне с поклоном.
Стою, обвит страстями, как лозой,
Перед дорогой, деревом и домом.

* * *

Город ночью прост и вечен,
Светит трепетный неон.
Где-то над Замоскворечьем

Низкий месяц наклонен.

Где-то новые районы,
Непочатые снега.
Там лишь месяц наклоненный
И не видно ни следа,

Ни прохожих. Спит столица,
В снег уткнувшись головой,
Окольцована, как птица,
Автострадой кольцевой.

* * *

Да, мне повезло в этом мире
Прийти и обняться с людьми
И быть тамадою на пире
Ума, благородства, любви.

А злобы и хитросплетений
Почти что и не замечать.
И только высоких мгновений
На жизни увидеть печать.

* * *

Давай поедem в город,
Где мы с тобой бывали.
Года, как чемоданы,
Оставим на вокзале.

Года пускай хранятся,
А нам храниться поздно.
Нам будет чуть печально,
Но бодро и морозно.

Уже созрела осень
До синего налива.
Дым, облако и птица
Летят неторопливо.

Ждут снега, листопады
Недавно отшуршали.

Огромно и просторно
В осеннем полушарье.

И все, что было зыбко,
Растрепанно и розно,
Мороз скрепил слюною,
Как ласточкины гнезда.

И вот ноябрь на свете,
Огромный, просветленный.
И кажется, что город
Стоит ненаселенный,-

Так много сверху неба,
Садов и гнезд вороньих,
Что и не замечаешь
Людей, как посторонних...

О, как я поздно понял,
Зачем я существую,
Зачем гоняет сердце
По жилам кровь живую,

И что, порой, напрасно
Давал страстям улечься,
И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься...

1963

* * *

Дай выстрадать стихотворенье!
Дай вышагать его! Потом.
Как потрясенное растение,
Я буду шелестеть листом.

Я только завтра буду мастер,
И только завтра я пойму,
Какое привалило счастье
Глупцу, шуту, бог весть кому,-

Большую повесть поколенья
Шептать, нащупывая звук,
Шептать, дрожа от изумленья
И слезы слизывая с губ.

ДВОР МОЕГО ДЕТСТВА

Еще я помню уличных гимнастов,
Шарманщиков, медведей и цыган
И помню развеселый балаган
Петрушек голосистых и носатых.
У нас был двор квадратный. А над ним
Висело небо — в тучах или звездах.
В сарае у матрасника на козлах
Вились пружины, как железный дым.
Ириски продавали нам с лотка.
И жизнь была приятна и сладка...
И в той Москве, которой нет почти
И от которой лишь осталось чувство,
Про бедность и величие искусства
Я узнавал, наверно, лет с пяти.
Я б вас позвал с собой в мой старый дом.
(Шарманщики, петрушка — что за чудо!)
Но как припомню долгий путь оттуда —
Не надо! Нет!.. Уж лучше не пойдём!..

ДВОРИК МИЦКЕВИЧА

Здесь жил Мицкевич. Как молитва.
Звучит пленительное: Litwo,
Ojczyzno moja. Словно море
Накатывается: O, Litwo,
Ojczyzno moja.
Квадратный дворик. Монолитно,
Как шаг в забое,
Звучит звенящее: O, Litwo,
Ojczyzno moja!
И как любовь, как укоризна,
Как признак боли,
Звучит печальное: Ojczyzno,
Ojczyzno moja.
Мицкевич из того окошка
Глядел на дворик,
Поэт, он выглядел роскошно,
Но взгляд был горек.
Он слышал зароженье ритма.

Еще глухое,
Еще далекое: O, Litwo,
Ojczyzno moja!

* * *

Действительно ли счастье - краткий миг
И суть его - несовершенство,
И правы ль мы, когда лобзаем лик
Минутного блаженства?

И где оно, мерило наших прав?..
O, жалкое мгновенье,
Когда пчела взлетает с вольных трав
И падает в варенье!

Нам суждено копить тяжелый мед,
И воск лепить, и строить соты.
Пусть счастья нет. Есть долгие заботы.
И в этой жизни милый гнет.

* * *

Для себя, а не для другого
Я тебя произвел на свет...
Произвел для грозного бога —
Сам ты будешь держать ответ.

Ты и радость, ты и страданье,
И любовь моя — малый Петр.
Из тебя ночное рыданье
Колыбельные слезы пьет.

ДНЕВНИК

Листаю жизнь свою,
Где радуюсь и пью,
Люблю и негодую.
И в ус себе не дую.

Листаю жизнь свою,
Где плачу и пою,
Счастливый по природе
При всяческой погоде.

Листаю жизнь свою,
Где говорю шутейно
И с залетейской тенью,
И с ангелом в раю.

ДОМ-МУЗЕЙ

Потомков ропот восхищенный,
Блаженной славы Парфенон!
Из старого поэта

...производит глубокое...
Из книги отзывов

Заходите, пожалуйста. Это
Стол поэта. Кушетка поэта.
Книжный шкаф. Умывальник. Кровать.
Это штора - окно прикрывать.
Вот любимое кресло. Покойный
Был ценителем жизни спокойной.

Это вот безымянный портрет.
Здесь поэту четырнадцать лет.
Почему-то он сделан брюнетом.
(Все ученые спорят об этом.)
Вот позднейший портрет - удалой.
Он писал тогда оду "Долой"
И был сослан за это в Калугу.
Вот сюртук его с рваной полкой -
След дуэли. Пейзаж "Под скалой".
Вот начало "Послания к другу".
Вот письмо: "Припадаю к стопам..."
Вот ответ: "Разрешаю вернуться..."
Вот поэта любимое блюдо,
А вот это любимый стакан.

Завитушки и пробы пера.
Варианты поэмы "Ура!"

И гравюра: "Вручение медали".
Повидали? Отправимся дале.

Годы странствий. Венеция. Рим.
Дневники. Замечанья. Тетрадки.
Вот блестящий ответ на нападки
И статья "Почему мы дурим".
Вы устали? Уж скоро конец.
Вот поэта лавровый венец -
Им он был удостоен в Тулузе.
Этот выцветший дагерротип -
Лысый, старенький, в бархатной блузе
Был последним. Потом он погиб.

Здесь он умер. На том канапе,
Перед тем прошептал изречение
Непонятное: "Хочется пе..."
То ли песен. А то ли печенья?
Кто узнает, чего он хотел,
Этот старый поэт перед гробом!

Смерть поэта - последний раздел.
Не толпитесь перед гардеробом..

ДУЭТ ДЛЯ СКРИПКИ И АЛЬТА

М.П.

Моцарт в легком опьяненье
Шел домой.
Было дивное волненье,
День шальной.

И глядел веселым оком
На людей
Композитор Моцарт Вольфганг
Амадей.

Вкруг него был листьев липы
Легкий звон.
"Тара-тара, тили-тики,-
Думал он.-

Да! Компания, напитки,
Суета.
Но зато дуэт для скрипки
И альта".

Пусть берут его искусство
Задарма.
Сколько требуется чувства
И ума!

Композитор Моцарт Вольфганг,
Он горазд,-
Сколько требуется, столько
И отдаст...

Ох, и будет Амадею
Дома влет.
И на целую неделю -
Черный лед.

Ни словечка, ни улыбки.
Немота.
Но зато дуэт для скрипки
И альта.

Да! Расплачиваться надо
На миру
За веселье и отраду
На пиру,

За вино и за ошибки -
Дочиста!
Но зато дуэт для скрипки
И альта!

* * *

Жалость нежная пронзительней любви.
Сострадание в ней преобладает.
В лад другой душе душа страдает.
Себялюбье сходит с колеи.

Страсти, что недавно бушевали

И стремились все снести вокруг,
Утихают,
 возвышаясь вдруг
До самоотверженной печали.

* * *

Жаль мне тех, кто умирает дома,
Счастье тем, кто умирает в поле,
Припадая к ветру молодому
Головой, закинутой от боли.

Подойдет на стон к нему сестрица,
Поднесет родимому напиток.
Даст водицы, а ему не пьется,
А вода из фляжки мимо льется.

Он глядит, не говорит ни слова,
В рот ему весенний лезет стебель,
А вокруг него ни стен, ни крова,
Только облака гуляют в небе.

И родные про него не знают,
Что он в чистом поле умирает,
Что смертельна рана пулевая.
...Долго ходит почта полевая.

ЗА ГОРОДОМ

Тот запах вымытых волос,
Благоуханье свежей кожи!
И поцелуй в глаза, от слез
Соленые, и в губы тоже.

И кучевые облака,
Курчавящиеся над чащей.
И спящая твоя рука,
И спящий лоб, и локон спящий.

Повремени, певец разлук!
Мы скоро разойдемся сами.

Не разнимай сплетенных рук.
Не разлучай уста с устами.

ЗАБОЛОЦКИЙ В ТАРУСЕ

Мы оба сидим над Окою,
Мы оба глядим на зарю.
Напрасно его беспокою,
Напрасно я с ним говорю!

Я знаю, что он умирает,
И он это чувствует сам,
И память свою умеряет,
Прислушиваясь к голосам,

Присматриваясь, как к находке,
К тому, что шумит и живет...
А девочка-дочка на лодке
Далеко-далеко плывет.

Он смотрит умно и степенно
На мерные взмахи весла...
Но вдруг, словно сталь из мартена,
По руслу заря потекла.

Он вздрогнул... А может, не вздрогнул,
А просто на миг прервалась
И вдруг превратилась в тревогу
Меж нами возникшая связь.

Я понял, что тайная повесть,
Навеки сокрытая в нем,
Писалась за страх и за совесть,
Питалась водой и огнем.

Что все это скрыто от близких
И редко открыто стихам..
На соснах, как на обелисках,
Последний закат полыхал.

Так вот они - наши удачи,
Поэзии польза и прок!..
- А я не сторонник чудачеств,-
Сказал он и спичку зажег.

* * *

Зачем за жалкие слова
Я отдал все без колебаний -
И золотые острова,
И вольность молодости ранней!

А лучше - взял бы я на плечи
Иную ношу наших дней:
Я, может быть, любил бы крепче,
Страдал бы слаще и сильнее.

ЗОЛУШКА

Веселым зимним солнышком
Дорога залита.
Весь день хлопочет Золушка,
Делами занята.

Хлопочет дочь приемная
У мачехи в дому.
Приемная-бездомная,
Нужна ль она кому?

Белье стирает Золушка,
Детей качает Золушка,
И напевает Золушка -
Серебряное горлышко.

В окне - дорога зимняя,
Рябина, снегири.
За серыми осинами
Бледнеет свет зари.

А глянешь в законные
Просторы без конца -
Ни пешего, ни конного,
Ни друга, ни гонца.

Посуду моет Золушка,
В окошко смотрит Золушка,
И напевает Золушка:
"Ох, горе мое, горюшко!"

Все сестры замуж выданы
За ближних королей.
С невзгодами, с обидами
Все к ней они да к ней.

Блестит в руке иголочка.
Стоит в окне зима.
Стареющая Золушка
Шьет туфельку сама...

ЗРЕЛОСТЬ

Приобретают остроту,
Как набирают высоту,
Дичают, матеруют,
И где-то возле сорока
Вдруг прорывается строка,
И мысль становится легка.
А слово не стареет.

И поздней славы шепоток
Немного льстив, слегка жесток,
И, словно птичий коготок,
Царапает, не раня.
Осенней солнечной строкой
Приходит зрелость и покой,
Рассудка не туманя.

И платят позднею ценой:
"Ах, у него и чуб ржаной!
Ах, он и сам совсем иной,
Чем мы предполагали!"
Спасибо тем, кто нам мешал!
И счастье тем, кто сам решал,-
Кому не помогали!

* * *

В.Б.

И ветра вольный горн,
И речь вечерних волн,
И месяца свеченье,
Как только стали в стих,
Приобрели значенье.
А так — кто ведал их!

И смутный мой рассказ,
И весть о нас двоих,
И верное реченье,
Как только станут в стих,
Приобретут значенье.
А так — кто б знал о нас!

* * *

И вот однажды ночью
Я вышел. Пело море.
Деревья тоже пели.
Я шел без всякой цели.
Каким-то тайным звуком
Я был в ту пору позван.
И к облакам и звездам
Я шел без всякой цели.
Я слышал, как кипели
В садах большие липы.
Я шел без всякой цели
Вдоль луга и вдоль моря.
Я шел без всякой цели,
И мне казались странны
Текучие туманы.
И спали карусели.
Я шел без всякой цели
Вдоль детских развлечений -
Качелей, каруселей,
Вдоль луга и вдоль моря,
Я шел в толпе видений,
Я шел без всякой цели.

* * *

И всех, кого любил,
Я разлюбить уже не в силах!
А легкая любовь
Вдруг тяжелеет
И опускается на дно.

И там, на дне души, загустевает,
Как в погребе зарытое вино.

Не смей, не смей из глуби доставать
Все то, что там скопилось и окрепло!
Пускай хранится глухо, немо, слепо,
Пускай! А если вырвется из склепа,
Я предпочел бы не существовать,
Не быть...

* * *

И жалко всех и вся. И жалко
Закушенного полушалка,
Когда одна, вдоль дюн, бегом
Душа - несчастная гречанка...
А перед ней взлетает чайка.
И больше никого кругом.

* * *

И осень, которая вдруг началась
Прилежно,
Меня веселит на сей раз
И тешит.
Она мне настолько мила,
Что надо
На время оставить дела
Земные...
Шататься и скуки не знать
Осенней.
Да кто это вздумал пенять
На скуку!

Ленивы мы думать о том,
Что, может,
Последняя осень последним листом
Тревожит.

* * *

А. Я.

...И тогда узнаешь вдруг,
Как звучит родное слово.
Ведь оно не смысл и звук,
А уток пережитого,
Колыбельная основа
Наших радостей и мук.

ИДИЛЛИЯ НА ПОТОМ

Рассчитаемся не мы - потомки
Порешат, кто прав, кто виноват.
Так давай оставим им потемки.
Пусть мой стих им будет темноват.

Пусть от нас останется легенда,
Росказни, почтовые лубки,
Бонбоньерка, выпускная лента,
Поздравительные голубки.

А еще - любительские снимки,
Где улыбчивы Она и Он,
Что, наверно, выжмут две слезинки
У красавиц будущих времен.

Пусть останется... А остальное
Поскорей пусть порастет быльем -
Все, что мы с тобою знаем двое.
Ночь. Тоска. И ветер за окном.

ИЗ ДЕТСТВА

Я - маленький, горло в ангине.
За окнами падает снег.
И папа поет мне: "Как ныне
Сбирается вещей Олег... "

Я слушаю песню и плачу,
Рыданье в подушке души,
И слезы постыдные прячу,
И дальше, и дальше прошу.

Осеннею мухой квартира
Дремотно жужжит за стеной.
И плачу над брэнностью мира
Я, маленький, глупый, больной.

* * *

Извечно покорны слепому труду,
Небесные звезды несутся в кругу.

Беззвучно вращаясь на тонких осях,
Плывут по вселенной, как рыбий косяк.

В раздумье стоит на земле человек,
И звезды на щеки ложатся, как снег.

И в тесном его человеческом мозгу
Такие же звезды метутся в кругу.

И в нас мир отражен, как в воде и стекле,
То щеки уколет, подобно игле.

То шоркнет по коже, как мерзлый рукав,
То скользкою рыбкой трепещет в руках.

Но разум людской - не вода и стекло,
В нем наше дыханье и наше тепло.

К нам в ноги летит, как птенец из гнезда,
Продрогшая маленькая звезда.

Берем ее в руки. Над нею стоим,

И греем, и греем дыханьем своим.

**Давид Самойлов. Избранные произведения.
Москва, "Художественная литература", 1990.**

» [к списку](#)

» [На отдельной странице](#)

ИТОГ

Что значит наше поколение?
Война нас ополовинила.
Повергло время на колени,
Из нас Победу выбило.

А все ж дружили, и служили,
И жить мечтали наново.
И все мечтали. А дожили
До Стасика Куняева.

Не знали мы, что чернь сильнее
И возрастет стократ еще.
И тихо мы лежим, синяя,
На филиале Кладбища.

Когда устанут от худого
И возжелают лучшего,
Взойдет созвездие Глазкова,
Кульчицкого и Слуцкого.

* * *

Как я живу? Без ожиданий.
В себе накапливая речь.
А между тем на крыши зданий
Ребристый снег успел прилечь.

И мы, как пчелы трудовые,
Питаем сонную детву,
Осуществленный день России
Не мысля видеть наяву.

* * *

Как я завидую тому,
В ком чувство гордости сильнее
Обид. Кто может, каменея,
Как древний истукан глядеть во тьму.

Но сердце, подступивши к рубежу,
Окаменеть уже не может.
Его воображенье изничтожит...
Уже себе я не принадлежу.

КАРУСЕЛЬ

Артельщик с бородкой
Взмахнул рукавом.
И - конь за пролеткой,
Пролетка за конем!

И - тумба! И цымба!
И трубы - туру!
И вольные нимбы
Берез на ветру.

Грохочут тарелки,
Гремит барабан,
Играет в горелки
Цветной балаган.

Он - звонкий и легкий
Пошел ходуном.
И конь за пролеткой,
Пролетка за конем.

То красный, как птица,
То желтый, как лис.
Четыре копытца
Наклонно взвились.

Летит за молодкой
Платочек выюном.
И - конь за пролеткой,
Пролетка за конем!..

Сильнее на ворот
Плечом поднажать,
Раскрутишь весь город,
Потом не сдержать.

За городом роща,
За рощею дол.
Пойдут раздуваться,
Как пестрый подол.

Артельщик хохочет -
Ему нипочем:
Взял город за ворот
И сдвинул плечом.

* * *

Когда бы спел я наконец
Нежнейшее четверостишье,
Как иногда поет скворец
Весною в утреннем затишье!

Про что? Да как вам объясню?
Все так нелепо в разговоре.
Ну, предположим, про весну,
Про вас, про облако, про море.

* * *

Когда замрут на зиму
Растения в садах,
То невообразимо,
Что превратишься в прах.

Ведь можно жить при снеге,
При холоде зимы.
Как голые побеги,
Лишь замираем мы.

И очень долго снится —
Не годы, а века —

Морозная ресница
И юная щека.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВПОЛГОЛОСА

Ну вот, сыночек, спать пора,
Вокруг деревья потемнели.
Черней вороньего пера
Ночное оперенье ели.
Закрой глаза. Вверху луна,
Как рог на свадьбе кахетинца.
Кричит, кричит ночная птица
До помрачения ума.

Усни скорее. Тополя
От ветра горько закрипели.
Черней вороньего пера
Ночное оперенье ели.
Все засыпает. Из-под век
Взирают тусклые болотца.
Закуривает и смеется
Во тьме прохожий человек.

Березы, словно купола,
Видны в потемках еле-еле.
Черней вороньего пера
Ночное оперенье ели.

КОНЕЦ ПУГАЧЕВА

Вьются тучи, как знамена,
Небо — цвета кумача.
Мчится конная колонна
Бить Емельку Пугача.

А Емелька, царь Емелька,
Страхолюдина-бандит,
Бородатый, пьяный в стельку,
В чистой горнице сидит.

Говорит: «У всех достану
Требушину из пупа.
Одного губить не стану

Православного попа.

Ну-ка, батя, сядь-ка в хате,
Кружку браги раздави.
И мои степные рати
В правый бой благослови!..»

Поп ему: «Послушай, сыне!
По степям копытный звон.
Слушай, сыне, ты отныне
На погибель обречен...»

Как поднялся царь Емеля:
«Гей вы, бражники-друзья!
Или силой оскудели,
Мои князи и графья?»

Как он гаркнул: «Где вы, князи?!»
Как ударил кулаком,
Конь всхрапнул у коновязи
Под ковровым чепраком.

Как прощался он с Устиньей,
Как коснулся алых губ,
Разорвал он ворот синий
И заплакал, душегуб.

«Ты зови меня Емелькой,
Не зови меня Петром.
Был, мужик, я птахой мелкой,
Возмечтал парить орлом.

Предадут меня сегодня,
Слава богу — предадут.
Быть (на это власть господня!)
Государем не дадут...»

Как его бояре встали
От тесового стола.
«Ну, вяжи его,— сказали,—
Снова наша не взяла».

* * *

Кончался август.
Примолкнул лес.
Стозвездный Аргус
Глядел с небес.

А на рассвете
В пустых полях
Усатый ветер
Гулял, как лях.

Еще чуть светел
Вдали рассвет...
Гуляет ветер,
Гуляет Фет¹.

Среди владений
И по лесам
Последний гений
Гуляет сам.

Не близок полдень,
Далек закат.
А он свободен
От всех плеяд...

КОРОЛЕВА АННА

Как тебе живется, королева Анна,
В той земле, во Франции чужой?
Неужели от родного стана
Отлепилась ты душой?

Как живется, Анна Ярославна,
В теплых странах?...
 А у нас - зима.
В Киеве у нас настолько славно,
Храмы убраны и терема!

Там у вас загадочные дуют
Ветры
 с моря-океана вдоль земли.

И за что там герцоги воют?
И о чем пекутся короли?

Каково тебе в продутых залах,
Где хозяин редок, словно гость,
Где собаки у младенцев малых
Отбирают турью кость?

Там мечи, и панцири, и шкуры:
Войны и охоты - все одно.
Там под вечер хлещут трубадуры
Авиньонское вино...

Ты полночи мечешься в постели,
Просыпаясь со слезой...
Хорошо ли быть на самом деле
Королевой Франции чужой?

Храмы там суровы и стрельчатые,
В них святые - каменная рать.
Своевольны лыбые прелаты.
А до бога не достать!

Хорошо почувствовать на ощупь,
Как тепла медовая свеча!..
Девушки в Днепре белье полощат
И кричат по-русски,
хохоча.

Здесь, за тыщей рек, лесов, распутиц,
Хорошо, просторно на дворе...
Девушки, как стаи белых утиц,
Скатерти полощут во Днепре.

КРАСНАЯ ОСЕНЬ

Внезапно в зелень вкрался красный лист,
Как будто сердце леса обнажилось,
Готовое на муку и на риск.

Внезапно в чаще вспыхнул красный куст,
Как будто бы на нем расположилось
Две тысячи полураскрытых уст.

Внезапно красным стал окрестный лес,
И облако впитало красный отсвет.
Светился праздник листьев и небес
В своем спокойном благородстве.

И это был такой большой закат,
Какого видеть мне не доводилось.
Как будто вся земля переродилась
И я по ней шагаю наугад.

КРАСОТА

Она как скрипка на моем плече.
И я ее, подобно скрипачу,
К себе рукою прижимаю.
И волосы струятся по плечу,
Как музыка немая.

Она как скрипка на моем плече.
Что знает скрипка о высоком пенье?
Что я о ней? Что пламя о свече?
И сам господь - что знает о творенье?

Ведь высший дар себя не узнает.
А красота превыше дарований -
Она себя являет без стараний
И одарять собой не устает.

Она как скрипка на моем плече.
И очень сложен смысл ее гармоний.
Но внятен всем. И каждого томит.
И для нее никто не посторонний.

И, отрешась от распрей и забот,
Мы слушаем в минуту просветленья
То долгое и медленное пенье
И узнаем в нем высшее значенье,
Которое себя не узнает.

* * *

Круг любви распался вдруг,
День какой-то полупьяный.
У рябины окаянной
Покраснели кисти рук.

Не маши мне, не маши,
Окаянная рябина!
Мне на свете все едино,
Коль распался круг души.

КРЫЛЬЯ ХОЛОПА

Стоишь, плечами небо тронув,
Превыше помыслов людских,
Превыше зол, превыше тронов,
Превыше башен городских.

Раскрыты крылья слюдяные,
Стрекозым трепетом шурша.
И ветры дуют ледяные,
А люди смотрят, чуть дыша.

Ты ощутишь в своем полете
Неодолимый вес земли,
Бессмысленную тяжесть плоти,
Себя, простертого в пыли,

И гогот злобного базара,
И горожанок робкий страх...
И божья, и людская кара
О, человек! О, пыль! О, прах!

Но будет славить век железный
Твои высокие мечты,
Тебя, взлетевшего над бездной
С бессильным чувством высоты.

* * *

Кто двигал нашу руку,
Когда ложились на бумаге
Полузабытые слова?

Кто отнимал у нас покой,
Когда от мыслей, как от браги,
Закруживалась голова?
Кто пробудил ручей в овраге,
Сначала слышимый едва,
И кто внушил ему отваги,
Чтобы бежать и стать рекой?..

* * *

Д.К.

Кто устоял в сей жизни трудной,
Тому трубы не страшен судной
Звук безнадежный и нагой.
Вся наша жизнь - самосожженье,
Но сладко медленное тленье
И страшен жертвенный огонь...

МАТАДОР

Скорей, скорей! Кончай игру
И выходи из круга!
Тебе давно не по нутру
Играть легко и грубо.

Пока злещеный рог быка
Тебя не изувечил
Под исступленный свист райка
И визг жестоких женщин,

Пока убийцею не стал,
Покуда ножевого
Клинка мерцающий металл
Не поразил живого -

Беги! Кончай игру! Скорей!
Ты слышишь, как жестоко
Сопенье вздыбленных ноздрей,
Как воеет бычье око!..

...Ты будешь жить на берегу

В своей простой лачуге,
Не нужный прежнему врагу,
Забыв о прежнем друге.

И только ночью волн возня
Напомнит гул, арену.
И будет нож дрожать, дразня,
На четверть вбитый в стену...

МИХАЙЛОВСКОЕ

Деревья пели, кипели,
Переливались, текли,
Качались, как колыбели,
И плыли, как корабли.

Всю ночь, до самого света,
Пока не стало светло,
Качалось сердце поэта —
Кипело, пело, текло.

* * *

Мне выпало счастье быть русским поэтом.
Мне выпала честь прикоснуться к победам.

Мне выпало горе родиться в двадцатом,
В проклятом году и в столетье проклятом.

Мне выпало все. И при этом я выпал,
Как пьяный из фуры, в походе великом.

Как валенок мерзлый, валяюсь в кювете.
Добро на Руси ничего не имети.

* * *

Мне снился сон жестокий
Про новую любовь.
Томительно и нежно
Звучавшие слова.

Я видел твоё платье,
И туфли, и чулки
И даже голос слышал.
Но не видал лица.

О чём меня просила?
Не помню. Повтори.
Опять с такой же силой
Со мной заговори.
И снова в сновиденье
Случайное вернись.
Не надо завершенья,
Но только повторись!

Ведь в этой жизни смутной,
Которой я живу,
Ты только сон минутный,
А после, наяву —
Не счастье, не страданье,
Не сила, не вина,
А только ожиданье
Томительного сна.

* * *

Мне снился сон. И в этом трудном сне
Отец, босой, стоял передо мною.
И плакал он. И говорил ко мне:
- Мой милый сын! Что случилось с тобою!

Он проклинал наш век, войну, судьбу.
И за меня он требовал расплаты.
А я смиренно говорил ему:
- Отец, они ни в чём не виноваты.

И видел я. И понимал вдвойне,
Как буду я стоять перед тобою
С таким же гневом и с такой же болью...
Мой милый сын! Увидь меня во сне!..

МОРЕ

Сначала только пальцем
Покатывало гальку
И плотно, словно панцирь,
Полнеба облегалo,
Потом луна в барашках
Сверкала белым кварцем.
Потом пошло качаться.
И наконец взыграло.

Когда взыграло море,
Душа возликовала,
Душа возликовала
И неба захотела.
И захотела ветра,
И грома, и обвала.
А чем она владела —
Того ей было мало!..

МОСТ

Стройный мост из железа ажурного,
Застекленный осколками неба лазурного.

Попробуй вынь его
Из неба синего -
Станет голо и пусто.

Это и есть искусство.

* * *

Музыка, закрученная туго
в иссиня-черные пластинки,-
так закручивают черные косы
в пучок мексиканки и кубинки,-
музыка, закрученная туго,
отливающая крылом вороньим,-
тупо-тупо подыгрывает туба
расхлябанным пунктирам контрабаса.
Это значит - можно все, что можно,

это значит - очень осторожно
расплетается жесткий и черный
конский волос, канифолью тертый.
Это значит - в визге канифоли
приближающаяся поневоле,
обнимаемая против воли,
понукаемая еле-еле
в папиросном дыме, в алкоголе
желтом, выпученном и прозрачном,
движется она, припав к плечу чужому,
отчужденно и ненапряженно,
осчастливленная высшим даром
и уже печальная навеки...
Музыка, закрученная туго,
отделяющая друг от друга.

* * *

И.К.

Мы не меняемся совсем.
Мы те же, что и в детстве раннем.
Мы лишь живем. И только тем
Кору грубеющую раним.

Живем взахлеб, живем вовсю,
Не зная, где поставим точку.
И все хоронимся в свою
Ветшающую оболочку.

НА ДУНАЕ

О, краткое очарованье
Плывущих мимо кораблей!
А после разочарованье
От бронзы бывших королей.

Сидят державные солдаты,
Как задремавшие орлы.
А корабли плывут куда-то,
Как освещенные балы.

Здесь варвары на земли Рима
Запечатлели свой набег.
Но все равно — плывущий мимо
Прекрасней ставшего на брег.

НА РАССВЕТЕ

Почти светает. После объяснения,
Где все разъяснено,
Прозрачный воздух льется в помещенье
Сквозь тусклое окно.

Все фразы завершаем многоточьем...
Проснулись воробьи.
Залаял сонный пес.
 И между прочим -
Признание в нелюбви.

* * *

Наверное, слишком уверенно
Считаю, что прожил не зря.
Так думает старое дерево,
Роняя в конце декабря
Веселые желтые листья
И зорям на память дая.

* * *

Надо себя сжечь
И превратиться в речь.

Сжечь себя дотла,
Чтоб только речь жгла.

НАЗВАНЬЯ ЗИМ

У зим бывают имена.
Одна из них звалась Наталья.
И было в ней мерцанье, тайна,

И холод, и голубизна.

Еленою звалась зима,
И Марфою, и Катериной.
И я порою зимней, длинной
Влюблялся и сходил с ума.

И были дни, и падал снег,
Как теплый пух зимы туманной.
А эту зиму звали Анной,
Она была прекрасней всех.

НАТАША

Круглый двор
с кринолинами клумб.
Неожиданный клуб
страстей и гостей,
приезжающих цугом.
И откуда-то с полуиспугом -
Наташа,
она,
каблучками стуча,
выбегает, выпархивает -
к Анатолю, к Андрею -
бог знает к кому!-
на асфальт, на проезд,
под фасетные буркалы автомобилей,
вылетает, выпархивает без усилий
всеми крыльями
девятнадцати лет -
как цветок на паркет,
как букет на подмости,-
в лоск асфальта
из барского особняка,
чуть испуганная,
словно птица на волю -
не к Андрею,
бог знает к кому -
к Анатолю?..
Дождь стучит в целлофан
пистолетным свинцом...
А она, не предвидя всего,
что ей выпадет вскоре на долю,

выбегает
с уже обреченным лицом.

* * *

Не для меня вдевают серьги в ушки
И в зеркало глядятся.
О милая, обмана не нарушайте,
Свершая святотатство!

Не для меня небрежна эта складка,
Блеск янтаря на шейке.
О милая! Так улыбайтесь сладко,
Цветите, хорошейте.

Я знаю все равно, что на излете
Сей тривиальной прозы,
Заплаканная вы ко мне придете.
Я поцелую слезы.

Я обниму вас с болью злобной ласки
И жалостной отрады.
И потечет размыв ресничной краски
На кровь губной помады.

* * *

Не надо срезанных тюльпанов!
Пускай цветы растут на клумбах,
Не увядая в дымных клубках
Среди повапленных чуланов.

Пускай слезою драгоценной
Роса украсит их в тени.
И луковичкою подземной
Пусть будут заняты они.

А так - что остается, кроме
Подобья хлипкого ствола.
И лепестки, как сгустки темной крови,
Сметают утром со стола.

* * *

Не торопи пережитого,
Утаивай его от глаз.
Для посторонних глухо слово
И утомителен рассказ.

А ежели назреет очень
И сдерживаться тяжело,
Скажи, как будто между прочим
И не с тобой произошло.

А ночью слушай — дождь лопочет
Под водосточною трубой.
И, как безумная, хохочет
И плачет память над тобой.

* * *

Не увижу уже Красногорских лесов,
Разве только случайно.
И знакомой кукушки, ее ежедневных, часов
Не услышу звучанья.

Потянуло меня на балтийский прибой,
Ближе к хладному морю.
Я уже не владею своею судьбой
И с чужою не спорю.

Это бледное море, куда так влекло россиян,
Я его принимаю.
Я приехал туда, где шумит океан,
И под шум засыпаю.

* * *

Неужели всю жизнь надо маяться!
А потом
 от тебя
 останется -
Не горшок, не гудок, не подкова,-
Может, слово, может, полслова -
Что-то вроде сухого листочка,

Тень взлетевшего с крыши стрижа
И каких-нибудь полглоточка
Эликсира,
 который - душа.

НОЧЛЕГ

Однажды летним вечерком
Я со знакомым стариком
В избе беседовал за водкой.
Его жена с улыбкой кроткой
Нам щей вчерашних подала,
А после кружево плела.

Старухи грубая рука
Была над кружевом легка.
Она рукою узловатой
Плела узор замысловатый.

Старик был стар - или умен,
Он поговорки всех времен
Вплетал умело в дым махорки.
Или, наоборот, ему
Все время чудились в дыму
Пословицы и поговорки...

Старуха кружево плела.
И понял я, что мало стою,
Поскольку счастье ремесла
Не совместимо с суетою.

Потом стелила мне постель.
Кричал в тумане коростель.
И слышал я на сеновале,
Как соловьи забушевали!
Забушевали соловьи!

Забушевали соловьи!
Что за лады, что за рулады!
Как будто нет у них беды,
Как будто нет у них досады...
Забушевали соловьи...

Я спал, покуда птицы пели,

Воображенье распалив.
Потом рассвет струился в щели,
А я был молод и счастлив...

НОЧНАЯ ГРОЗА

Тяжелое небо набрякло, намокло.
Тяжелые дали дождем занавешены.
Гроза заливает июльские стекла,
А в стеклах - внезапно - видение женщины.

Играют вокруг сопредельные громы,
И дева качается. Дева иль дерево?
И переплетаются руки и кроны,
И лиственное не отделимо от девьего.

Как в изображенье какого-то мифа,
Порывистое изгибание стана,
И драка, и переполох, и шумиха
С угоном невест, с похищением стада.

Она возникает внезапно и резко
В неоновых вспышках грозы оголтелой,
Неведомо как уцелевшая фреска
Ночного борения дерева с девой.

С минуту во тьме утопают два тела,
И снова, как в запечатленной искусством
Картине, является вечная тема -
Боренья и ребер, ломаемых с хрустом.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Чаадаев, помнишь ли бывшее?
А. Пушкин

Наконец я познал свободу.
Все равно, какую погоду
За окном предвещает ночь.

Дом по крышу снегом укутан.
И каким-то новым уютом
Овеивает его метель.

Спят все чада мои и други.
Где-то спят лесные пичуги.
Красногорские рощи спят.

Анна спит. Ее сновиденья
Так ясны, что слышится пенье
И разумный их разговор.

Молодой поэт Улялюмов
Сел писать. Потом, передумав,
Тоже спит — ладонь под щекой.

Словом, спят все шумы и звуки,
Губы, головы, щеки, руки,
Облака, сады и снега.

Спят каминны, соборы, псалмы,
Спят шандалы, как написал бы
Замечательный лирик Н.

Спят все чада мои и други.
Хорошо, что юные вьюги
К нам летят из дальней округи,
Как стеклянные бубенцы.

Было, видно, около часа.
Кто-то вдруг ко мне постучался.
Незнакомец стоял в дверях.

Он вошел, похож на Алеко.
Где-то этого человека
Я встречал. А может быть — нет.

Я услышал: всхлипнула тройка
Бубенцами. Звякнула бойко
И опять унеслась в снега.

Я сказал: — Прошу! Ради бога!
Не трудна ли была дорога?—
Он ответил: — Ах, пустяки!

И не надо думать о чуде.
Ведь напрасно делятся люди
На усопших и на живых.

Мне забавно времен смешенье.
Ведь любое наше свершенье
Независимо от времен.

Я ответил: — Может, вы правы,
Но сильнее нету отравы,
Чем привязанность к бытию.

Мы уже дошли до буколик,
Ибо путь наш был слишком горек,
И ужасен с временем спор.

Но есть дней и садов здоровье,
И поэтому я с любовью
Размышляю о том, что есть.

Ничего не прошу у века,
Кроме звания человека,
А бессмертье и так дано.

Если речь идет лишь об этом,
То не стоило быть поэтом.
Жаль, что это мне суждено.

Он ответил: — Да, хорошо вам
Жить при этом мненье готовом,
Не познав сумы и тюрьмы.

Неужели возврат к истокам
Может стать последним итогом
И поить сердца и умы?

Не напрасно ли мы возносим
Силу песен, мудрость ремесел,
Старых празднеств брагу и сыть?
Я не ведаю, как нам быть.

Длилась ночь, пока мы молчали.
Наконец вдали прокричали
Предрассветные петухи.

Гость мой спал, утопая в кресле.
Спали степи, разъезды, рельсы,
Дымы, улицы и дома.

Улялюмов на жестком ложе
Прошептал, терзаясь: — О боже!
И добавил: — Ах, пустяки!

Наконец сновиденья Анны
Задремали, стали туманны,
Растеклись по глади реки.

ОНА

Неверие тому, что даже очевидно.
Мир полон призраков, как Лысая гора.
Ни пенье петуха, ни жаркая молитва
Не прогоняют их с утра и до утра.

Сгинь, наважденье, сгинь! Замкни страницы, книга,
Слепи между собой, чтоб их не перечесть!..

.....
Она томит, как ярость, злость и месть.
Она не чтит причин. Она равновелика,
Когда причины нет, когда причина есть.

ОПРАВДАНИЕ ГАМЛЕТА

Врут про Гамлета,
Что он нерешителен.
Он решителен, груб и умен.
Но когда клинок занесен,
Гамлет медлит быть разрушителем
И глядит в перископ времен.

Не помедлив стреляют злодеи
В сердце Лермонтова¹ или Пушкина².
Не помедлив бьет лейб-гвардеец,
Образцовый, шикарный воин.
Не помедлив бьют браконьеры,
Не жалея, что пуля пущена.

Гамлет медлит,
Глаза прищурив
И нацеливая клинок,

Гамлет медлит.
И этот миг
Удивителен и велик.
Миг молчания, страсти и опыта,
Водопада застывшего миг.
Миг всего, что отринуто, проклято.
И всего, что познал и постиг.

Ах, он знает, что там за портьерою,
Ты, Полоний, плоский хитрец.
Гамлет медлит застывшей пантерою,
Ибо знает законы сердец,
Ибо знает причины и следствия,
Видит даль за ударом клинка,
Смерть Офелии, слабую месть ее,—
Все, что будет потом.
На века.

Бей же, Гамлет! Бей без промашки!
Не жалея загнивших кровей!
Быть — не быть — лепестки ромашки,
Бить так бить! Бей, не робей!
Не от злобы, не от угару,
Не со страху, унявши дрожь,—
Доверяй своему удару,
Даже
 если
 себя
 убьешь!

ОСЕНЬ

Вот опять спорхнуло лето
С золоченого шестка,
Роща белая раздета
До последнего листка.

Как раздаривались листья,
Чтоб порадовался глаз!
Как науке бескорыстья
Обучала осень нас!

Так закутайся потеплее
Перед долгою зимой...

В чем-то все же мы окрепли,
Стали тверже, милый мой.

* * *

Отгремели грозы.
Завершился год.
Превращаюсь в прозу,
Как вода — в лед.

ПАМЯТЬ

Е.Л.

Я зарастаю памятью,
Как лесом зарастает пустошь.
И птицы-память по утрам поют,
И ветер-память по ночам гудит,
Деревья-память целый день лепечут.

И там, в пернатой памяти моей,
Все сказки начинаются с "однажды".
И в этом однократность бытия
И однократность утоленья жажды.

Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит...
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может.
1964

ПЕРЕБИРАЯ НАШИ ДАТЫ

Перебирая наши даты,
Я обращаюсь к тем ребятам,
Что в сорок первом шли в солдаты
И в гуманисты в сорок пятом.

А гуманизм не просто термин,
К тому же, говорят, абстрактный.
Я обращаюсь вновь к потерям,
Они трудны и невозвратны.

Я вспоминаю Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.
Я сам теперь от них завишу,
Того порою не желая.

Они шумели буйным лесом,
В них были вера и доверье.
А их повыбило железом,
И леса нет - одни деревья.

И вроде день у нас погожий,
И вроде ветер тянет к лету...
Аукаемся мы с Сережей,
Но леса нет, и эха нету.

А я все слышу, слышу, слышу,
Их голоса припоминая...
Я говорю про Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.

ПЕРЕД СНЕГОМ

И начинает уставать вода.
И это означает близость снега.
Вода устала быть ручьями, быть дождем,
По корню подниматься, падать с неба.
Вода устала петь, устала течь,
Сиять, струиться и переливаться.
Ей хочется утратить речь, залечь
И там, где залегла, там оставаться.

Под низким небом, тяжелей свинца,
Усталая вода сияет тускло.
Она устала быть самой собой,
Но предстоит еще утратить чувства,
Но предстоит еще заледенеть
И уж не петь, а, как броня, звенеть.
Ну а куда - в мире тишина.
Торчат кустов безлиственные прутья.
Распутица кончается. Распутья
Подмерзли. Но земля еще черна.
Вот-вот повалит первый снег.

1964

ПЕСТЕЛЬ, ПОЭТ И АННА

Там Анна пела с самого утра
И что-то шила или вышивала.
И песня, долетая со двора,
Ему невольно сердце волновала.

А Пестель думал: "Ах, как он рассеян!
Как на иголках! Мог бы хоть присесть!
Но, впрочем, что-то есть в нем, что-то есть.
И молод. И не станет фарисеем".
Он думал: "И, конечно, расцветет
Его талант, при должном направленье,
Когда себе Россия обретет
Свободу и достойное правленье".
- Позвольте мне чубук, я закурю.
- Пожалуйте огня.
- Благодарю.

А Пушкин думал: "Он весьма умен
И крепок духом. Видно, метит в Бруты.
Но времена для брутов слишком круты.
И не из брутов ли Наполеон?"

Шел разговор о равенстве сословий.
- Как всех равнять? Народы так бедны,-
Заметил Пушкин,- что и в наши дни
Для равенства достойных нет сословий.
И потому дворянства назначенье -
Хранить народа честь и просвещение.
- О, да,- ответил Пестель,- если трон
Находится в стране в руках деспота,
Тогда дворянства первая забота
Сменить основы власти и закон.
- Увы,- ответил Пушкин,- тех основ
Не пожалеет разве Пугачев...
- Мужичкий бунт бессмыслен...-

За окном

Не умолкая распевала Анна.
И пахнул двор соседа-молдавана
Бараньей шкурой, хлевом и вином.
День наполнялся нежной синевой,
Как ведра из бездонного колодца.

И голос был высок: вот-вот сорвется.
А Пушкин думал: "Анна! Боже мой!"

- Но, не борясь, мы потакаем злу,-
Заметил Пестель,- бережем тиранство.
- Ах, русское тиранство-дилетантство,
Я бы учил тиранов ремеслу,-
Ответил Пушкин.

 "Что за резвый ум,-
Подумал Пестель,- столько наблюдений
И мало основательных идей".
- Но тупость рабства сокрушает гений!
- На гения отыщется злодей,-
Ответил Пушкин.

 Впрочем, разговор
Был славный. Говорили о Ликурге,
И о Солоне, и о Петербурге,
И что Россия рвется на простор.
Об Азии, Кавказе и о Данте,
И о движенье князя Ипсиланти.

Заговорили о любви.

 - Она,-
Заметил Пушкин,- с вашей точки зрения
Полезна лишь для граждан умноженья
И, значит, тоже в рамки введена.-
Тут Пестель улыбнулся.

 - Я душой
Матерьялист, но протестует разум.-
С улыбкой он казался светлоглазым.
И Пушкин вдруг подумал: "В этом соль!"

Они простились. Пестель уходил
По улице разъезженной и грязной,
И Александр, разнеженный и праздный,
Рассеянно в окно за ним следил.
Шел русский Брут. Глядел вослед ему
Российский гений с грустью без причины.

Деревья, как зеленые кувшины,
Хранили утра хлад и синеву.
Он эту фразу записал в дневник -
О разуме и сердце. Лоб наморщив,
Сказал себе: "Он тоже заговорщик.
И некуда податься, кроме них".

В соседний двор вползла каруца цугом,
Залаял пес. На воздухе упругом
Качались ветки, полные листвою.
Стоял апрель. И жизнь была желанна.
Он вновь услышал - распевает Анна.
И задохнулся:
"Анна! Боже мой!"

* * *

Повтори, воссоздай, возверни
Жизнь мою, но острее и короче.
Слей в единую ночь мои ночи
И в единственный день мои дни.

День единственный, долгий, единый,
Ночь одна, что прожить мне дано.
А под утро отлет лебединый -
Крик один и прощанье одно.

ПОД УТРО

Так с тобой повязаны,
Что и в снах ночных
Видеть мы обязаны
Только нас двоих.

Не расстаться и во сне
Мы обречены,
Ибо мы с тобою не
Две величины.

И когда расстонется
За окном борей,
Я боюсь бессонницы
Не моей - твоей.

Думаешь. О чем, о ком?
И хоть здесь лежишь,
Все равно мне целиком

Не принадлежишь.

Я с твоими мыслями
Быть хочу во мгле.
Я хочу их выследить,
Как мосье Мегре.

А когда задышишь ты
Так, как те, что спят,
Выхожу из пустоты
В сон, как в темный сад.

Тучи чуть светяющи.
Месяц невесом.
Мысли лишь пугающи.
Сон есть только сон.

ПОДМОСКОВЬЕ

Если б у меня хватило глины,
Я б слепил такие же равнины;
Если бы мне туч и солнца дали,
Я б такие же устроил дали.
Все негромко, мягко, неспешно,
С глазомером суздальского толка -
Рассадил бы сосны и орешник
И село поставил у проселка.
Без пустых затей, без суесловья
Все бы создал так, как в Подмосковье.

ПОДРОСТОК

Подросток! Как по нежному лекалу
Прочерчен шеи робкий поворот.
И первому чекану и закалу
Еще подвергнут не был этот рот.

В ней красота не обрела решенья,
А истина не отлилась в слова.
В ней лишь мольба, и дар, и приношенье.
И утра свет. И неба синева.

* * *

Подставь ладонь под снегопад,
Под искры, под кристаллы.
Они мгновенно закипят,
Как плавкие металлы.

Они растают, потекут
По линиям руки.
И станут линии руки
Изгибами реки.

Другие линии руки
Пролягут как границы,
И я увижу городки,
Дороги и столицы.

Моя рука как материк -
Он прочен, изначален.
И кто-нибудь на нем велик,
А кто-нибудь печален.

А кто-нибудь идет домой,
А кто-то едет в гости.
А кто-то, как всегда зимой,
Снег собирает в горсти.

Как ты просторен и широк,
Мирок на пятерне.
Я для тебя, наверно, бог,
И ты послушен мне.

Я берегу твоих людей,
Храню твою удачу.
И малый мир руки моей
Я в рукавичку прячу.

* * *

Получил письмо издалека,
Гордое, безумное и женское.
Но пока оно свершало шествие,
Между нами пролегли века.

Выросли деревья, смолкли речи,
Отгремели времена.
Но опять прошу я издалече:
Анна! Защити меня?

Реки утекли, умчались птицы,
Заросли дороги. Свет погас.
Но тебе порой мой голос снится:
Анна! Защити обоих нас!

* * *

Поэзия пусть отстаёт
От просторечья —
И не на день, и не на год
На полстолетья.

За это время отпадет
Все то, что лживо.
И в грудь поэзии падет
Все то, что живо.

ПРИ ДОЖДЕ

О, так это или иначе,
По чьей неизвестно вине,
Но музыка старой удачи
Откуда-то слышится мне.

Я так ее явственно слышу,
Как в детстве, задувши свечу,
Я слышал, как дождик на крышу
Играет все то, что хочу.

Такое бывало на даче,
За лето по несколько раз.
Но музыку старой удачи
Зачем-то я слышу сейчас.

Все тот же полуночный дождик

Играет мне, что б ни просил,
Как неумолимый художник
В расцвете таланта и сил.

* * *

Пройти вдоль нашего квартала,
Где из тяжелого металла
Излиты снежные кусты,
Как при рождественском гаданье.
Зачем печаль? Зачем страданье?
Когда так много красоты!

Но внешний мир — он так же хрупок,
Как мир души. И стоит лишь
Невольный совершить проступок:
Встряхни — и ветку оголишь.

* * *

Простите, милые, ведь вас я скоро брошу.
Не вынесет спина
Ту дьявольскую ношу,
Что мне подкинул сатана.

Но все равно я буду видеть вас
И ощущать отчизну.
Я просочусь, как газ,
Как облачко повисну.

Но Бога не увижу - сатану
Среди кривляющихся ратей,
Когда, узрев тебя в жару чужих объятий,
Услышу вздох твой и, как буря, застону.

ПРОЩАНИЕ

Убившему себя рукой
Своею собственной, тоской
Своею собственной - покой
И мир навеки!
Однажды он ушел от нас,

Тогда и свет его погас.
Но навсегда на этот раз
Сомкнулись веки.

Не веря в праведность судьи,
Он предпочел без похвальбы
Жестокость собственной судьбы,
Свою усталость.
Он думал, что свое унес,
Ведь не остался даже пес.
Но здесь не дым от папирос -
Душа осталась.

Не зря веревочка вилась
В его руках, не зря плелась.
Ведь знала, что придет ей час
В петлю завиться.
Незнамо где - в жаре, в песке,
В святой земле, в глухой тоске,
Она повисла на крюке
Самоубийцы.

А память вьет иной шнурок,
Шнурок, который как зарок -
Вернуться в мир или в мирок
Тот, бесшабашный, -
К опалихинским галдежам,
Чтобы он снова в дом вбежал,
Внося с собой мороз и жар,
И дым табачный.

Своей нечесаной башкой
В шапчонке чисто бунтовской
Он вламывался со строкой
Заместо клича -
В застолье и с налета - в спор,
И доводам наперекор
Напропалую пер, в прибор
Окурки тыча.

Он мчался, голову сломя,
Врезаясь в рифмы и в слова,
И словно молния со лба
Его слетала.
Он был порывом к мятежу,

Но все-таки, как я сужу,
Наверно не про ту дежу
Была опара.

Он создан был не восставать,
Он был назначен воздавать,
Он был назначен целовать
Плечо пророка.

Меньшой при снятии с креста,
Он должен был разжать уста,
Чтоб явной стала простота
Сего урока.

Сам знал он, перед чем в долгу!
Но в толчее и на торгу
Бессмертием назвал молву.
(Однако, в скобках!)
И тут уж надо вспомнить, как
В его мозгу клубился мрак
И как он взял судьбу в кулак
И бросил, скомкав.

Убившему себя рукой
Своею собственной, тоской
Своею собственной - покой
И мир навеки.
За все, чем был он - исполать.
А остальному отпылать
Помог застенчивый палач -
Очкарь в аптеке.

За подвиг чести нет наград.
А уж небесный вертоград
Сужден лишь тем, чья плоть, сквозь ад
Пройдя, окрепла.
Но кто б ему наколдовал
Баланду и лесоповал,
Чтобы он голову совал
В родное пекло.

И все-таки страшней теперь
Жалеть невольника потерь!
Ведь за его плечами тень
Страшной неволи
Стояла. И лечить недуг

Брались окно, и нож, и крюк,
И, ощетинившись вокруг,
Глаза кололи.

Он в шахматы сыграл. С людьми
В последний раз сыграл в ладьи.
Партнера выпроводил. И
Без колебанья,
Без индульгенций - канул вниз,
Где все веревочки сплелись
И затянулись в узел близ
Его дыханья...

В стране, где каждый на счету,
Познав судьбы своей тщету,
Он из столпов ушел в щепу.
Но без обмана.
Оттуда не тянул руки,
Чтобы спасти нас, вопреки
Евангелию от Луки
И Иоанна.

Когда преодолен рубеж,
Без преувеличенья, без
Превозношенья до небес
Хочу проститься.
Ведь я не о своей туге,
Не о талантах и т.п. -
Я плачу просто о тебе,
Самоубийца.

* * *

Пусть нас увидят без возни,
Без козней, розни и надсады,
Тогда и скажется: "Они
Из поздней пушкинской плеяды".
Я нас возвысить не хочу.
Мы - послушники ясновидца...
Пока в России Пушкин длится,
Метелям не задуть свечу.

ПЯРНУСКИЕ ЭЛЕГИИ

Г.М.

I

Когда-нибудь и мы расскажем,
Как мы живем иным пейзажем,
Где море озаряет нас,
Где пишет на песке, как гений,
Волна следы своих волнений
И вдруг стирает, осердясь.

II

Красота пустынной рощи
И ноябрьский слабый свет -
Ничего на свете проще
И мучительнее нет.

Так недвижны, углублённы
Среди этой немоты
Сосен грубые колонны,
Вязов нежные персты.

Но под ветром встрепенется
Нетекучая вода...
Скоро время распадётся
На сейчас и "никогда".

III

Круг любви распался вдруг.
День какой-то полупьяный.
У рябины окаянной
Покраснели кисти рук.

Не маши мне, не маши,
Окаянная рябина,
Мне на свете все едино,
Коль распался круг души.

IV

И жалко всех и вся. И жалко
Закушенного полушалка,
Когда одна, вдоль дюн, бегом -

Душа - несчастная гречанка...
А перед ней взлетает чайка.
И больше никого кругом.

V

Здесь великие сны не снятся,
А в ночном сознание теснятся
Лица полузабытых людей -
Прежних ненавистей и любвей.
Но томителен сон про обманы,
Он болит, как старые раны,
От него проснуться нельзя.
А проснешься - еще больнее,
Словно слышал зов Лорелеи
И навек распалась стезя.

VI

Деревья прянули от моря,
Как я хочу бежать от горя -
Хочу бежать, но не могу,
Ведь корни держат на бегу.

VII

Когда замрут на зиму
Растения в садах,
То невообразимо,
Что превратишься в прах.

Ведь можно жить при снеге,
При холоде зимы.
Как голые побеги,
Лишь замираем мы.

И очень долго снится -
Не годы, а века -
Морозная ресница
И юная щека.

VIII

Как эти дали хороши!
Залива снежная излука.

Какая холодность души
К тому, что не любовь и мука!

О, как я мог так низко пасть,
Чтобы забыть о милосердьe!..
Какое равнодушьe к смерти
И утомительная страсть!

IX

Любить не умею.
Любить не желаю.
Я глохну, немею
И зреньe теряю.
И жизнью своею
Уже не играю.
Любить не умею -
И я умираю.

X

Пройти вдоль нашего квартала,
Где из тяжелого металла
Излиты снежные кусты,
Как при рождественском гаданье,
Зачем печаль? Зачем страданье,
Когда так много красоты?
Но внешний мир - он так же хрупок,
Как мир души. И стоит лишь
Невольный совершить проступок:
Задел - и ветку оголишь.

XI

В Пярну легкие снега.
Так свободно и счастливо!
Ни одна еще нога
Не ступала вдоль залива.

Быстрый лыжник пробежит
Синей вспышкой мгновенной.
А у моря снег лежит
Свежим берегом вселенной.

XII

Когда тайком колдует плоть,
Поэзия - служанка праха.
Не может стих перебороть
Тщеславья, зависти и страха.

Но чистой высоты ума
Достичь нам тоже невозможно.
И все тревожит. Все тревожно.
Дождь. Ветер. Запах моря. Тьма.

XIII

Утраченное мне дороже,
Чем обретенное. Оно
Так безмятежно, так погоже,
Но прожитому не равно.
Хотел мне дать забвенья Боже,
И дал мне чувство рубежа
Преодоленного. Но все же
Томится и болит душа.

XIV

Вдруг март на берегу залива.
Стал постепенно таять снег.
И то, что было несчастливо,
Приобрело иной разбег.

О, этот месяц непогожий!
О, эти сумрачные дни!
Я в ожидании... О Боже,
Спаси меня и сохрани...

XV

Расположенья на листе
Печальной строчки стихотворной.
И слезы на твоём лице,
Как на иконе чудотворной.
И не умею передать
То, что со мною происходит:
Вдруг горний свет в меня нисходит,
Вдруг покидает благодать.

XVI

Чет или нечет?
Вьюга ночная.
Музыка лечит.
Шуберт. Восьмая.

Правда ль, нелепый
Маленький Шуберт,
Музыка - лекарь?
Музыка губит.

Снежная скатерть.
Мука без края.
Музыка насмерть.
Вьюга ночная.

* * *

Расставанье,
Век спустя после прощанья,
Ты звучишь во мне, как длинное стенанье,
Как стенанье ветра за стеной.
Расставанье,
Мне уже не нужное,
Стонешь ты, как женщина недужная,
Где-то за туманной пеленой.

Пробуждаюсь.
Вместе с пробуждением
Оборвался звук. Но странным пеньем
Я разбужен был. Так где оно?
Я однажды в детстве слышал это:
Женский вопль далеко до рассвета,
Замиравший медленно вдали.
Мне казалось - это похищенье
Женщины. Куда ее влекли?

Так со мной бывает спозаранок,
Когда что-то нарушает сон.
Слышу похищенье сабинянок -
Длинный, удаляющийся стон.

* * *

Рассчитавшись с жаждою и хламом,
Рассчитавшись с верою и храмом,
Жду тебя, прощальная звезда.
Как когда-то ждал я вдохновенья,
Так теперь я жду отдохновенья
От любви и горького труда.

Но, видать, не спел последний кочет,
И душа еще чего-то хочет,
Своего никак не отдает.
Жаждет с веком и толпою слиться.
Так стремятся птицы в стаю сбиться,
Собираясь в дальний перелет.

РЕАНИМАЦИЯ

Я слышал так: когда в бессильном теле
Порвутся стропы и отпустят дух,
Он будет плавать около постели
И воплотится в зрение и слух.

(А врач бессильно разведет руками.
И даже слова не проговорит.
И глянет близорукими очками
Туда, в окно, где желтый свет горит.)

И нашу плоть увидит наше зренье,
И чуткий слух услышит голоса.
Но все, что есть в больничном отделенье,
Нас будет мучить только полчаса.

Страшней всего свое существованье
Увидеть в освещенье неземном.
И это будет первое познапье,
Где времени не молкнет метроном.

Но вдруг начнет гудеть легко и ровно,
Уже не в нас, а где-то по себе,
И нашу душу засосет, подобно
Аэродинамической трубе.

И там, вдали, у гробового входа,

Какой-то вещий свет на нас лия,
Забрезжит вдруг всезнанье, и свобода,
И вечность, и полет небытия.

Но молодой реаниматор Саня
Решит бороться с бездной и судьбой
И примется, над мертвецом шаманя,
Приманивать обратно дух живой.

Из капельниц он в нас воьет мирское,
Введет нам в жилы животворный яд.
Зачем из сфер всезнанья и покоя
Мы все же возвращаемся назад?

Какой-то ужас есть в познание света,
В существование без мирских забот.
Какой-то страх в познании завета.
И этот ужас к жизни призовет.

...Но если не захочет возвратиться
Душа, усилье медиков - ничто.
Она куда-то улетит, как птица,
На дальнее, на новое гнездо.

И молодой реаниматор Саня
Устало скажет: "Не произошло!"
И глянет в окна, где под небесами
Заря горит свободно и светло.

РЕПЛИКА ДАНТЕ

О, вы ее не знаете!

В ней есть

Умение обуздывать порывы.

И, следовательно, свобода воли.

Мы оба несчастливы,

Но откровенны.

Это можно нам зачесть

За счастье в каждом нашем разговоре.

Она меня не любит. Да и я

Люблю, быть может, лишь свое творенье.

Но часть его - она.

Когда душа моя отрешена,

Когда картину ада видит зренье,-

Она со мной и целиком моя.

По улицам в толпе я прохожу ненастен,
Извозчичьих трактиров чуя чад.

На площади ее встречаю.

- Мастер,

Как спали вы?

- Я спал, мадонна, видел Ад.

РЯБИНА

Так бы длинно думать,

Как гуси летят.

Так бы длинно верить,

Как листья шелестят.

Так бы длинно любить,

Как реки текут...

Руки так заломить,

Как рябиновый куст.

СВОБОДНЫЙ СТИХ

Профессор Уильям Росс Эшби

Считает мозг негибкой системой.

Профессор, наверное, прав.

Ведь если бы мозг был гибкой системой,

Конечно, он давно бы прогнулся,

Он бы прогнулся, как лист жести,—

От городского гула, от скоростей,

От крика динамиков, от новостей,

От телевидения, от похорон,

От артиллерии, от прений сторон,

От угроз, от ложных учений,

Детективных историй, разоблачений,

Прогресса наук, семейных дрызг,

Отсутствия денег, актерских масок,

Понятия о бесконечности, успеха поэзии,

Законодательства, профессии,

Нового в медицине, неразделенной любви,

Несовершенства.

Но мозг не гибок. И оттого

Стоит, как телеграфный столб,

И только гудит под страшным напором,

И все-таки остается прямым.
Мне хочется верить профессору Эшби
И не хочется верить писателю Кафке.
Пожалуйста, выберите время,
Выключите радио, отоспитесь
И почувствуете в себе наличие мозга,
Этой мощной и негибкой системы.

СЕВЕРЯНИН

Отрешенность эстонских кафе
Помогает над "i" ставить точку.
Ежедневные аутодафе
Совершаются там в одиночку.

Память тайная тихо казнит,
Совесть тихая тайно карает,
И невидимый миру двойник
Всё бокальчики пододвигает.

Я не знаю, зачем я живу,
Уцелевший от гнева и пули.
Головою качаю. И жгу
Корабли, что давно потонули.

СИГЛИГЕТ

В той Венгрии, куда мое везенье
Меня так осторожно привело,
Чтоб я забыл на время угрызенья
И мною совершаемое зло,

В том Сиглигете возле Балатона,
В том парке, огороженном стеной,
Где горлинки воркуют монотонно,—
Мое смятенье спорит с тишиной.

Мне кажется, что вы — оживший образ
Той тишины, что вы ее родня.
Не потому ли каждая подробность,
Любое слово мучают меня.

И даже, может быть, разноязычье

Не угнетает в этой тишине,
Ведь не людская речь, а пенье птичье
Нужней сегодня было вам и мне.

* * *

С. Б. Ф.

Слава богу! Слава богу!
Что я знал беду и тревогу!
Слава богу, слава богу -
Было круто, а не отлого!

Слава богу!
Ведь все, что было,
Все, что было, - было со мною.
И война меня не убила,
Не убила пулей шальною.

Не по крови и не по гною
Я судил о нашей эпохе.
Все, что было, - было со мною,
А иным доставались крохи!

Я судил по людям, по душам,
И по правде, и по замаху.
Мы хотели, чтоб было лучше,
Потому и не знали страху.

Потому пробитое знамя
С каждым годом для нас дороже.
Хорошо, что случилось с нами,
А не с теми, кто помоложе.

СЛОВА

Красиво падала листва,
Красиво плыли пароходы.
Стояли ясные погоды,
И праздничные торжества
Справлял сентябрь первоначальный,
Задумчивый, но не печальный.

И понял я, что в мире нет
Затертых слов или явлений.
Их существо до самых недр
Взрывает потрясенный гений.
И ветер необыкновенней,
Когда он ветер, а не ветр.

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло.
1961

СМЕРТЬ ПОЭТА

Что ж ты заводишь
Песню военну,
Флейте подобно,
Милый снегирь?
*Державин*¹

Я не знал в этот вечер в деревне,
Что не стало Анны Андреевны²,
Но меня одолела тоска.
Деревянные дудки скворешен
Распевали. И месяц навешен
Был на голые ветки леска.

Провода электрички чертили
В небесах невесомые кубы.
А ее уже славой почтили
Не парадные залы и клубы,
А лесов деревянные трубы,
Деревянные дудки скворешен.
Потому я и был безутешен,
Хоть в тот вечер не думал о ней.

Это было предчувствием боли,
Как бывает у птиц и зверей.

Просыревшей тропинкою в поле,

Меж сугробами, в странном уборе
Шла старуха всех смертных старей.
Шла старуха в каком-то капоте,
Что свисал, как два ветхих крыла.
Я спросил ее: «Как вы живете?»
А она мне: «Уже отжила...»

В этот вечер ветрами отпето
Было дивное дело поэта.
И мне чудилось пенье и звон.
В этот вечер мне чудилась в лесе
Красота похоронных процессий
И торжественный шум похорон.

С Шереметьевского аэродрома
Доносилось подобие грома.
Рядом пели деревья земли:
«Мы ее берегли от удачи,
От успеха, богатства и славы,
Мы, земные деревья и травы,
От всего мы ее берегли».

И не ведал я, было ли это
Отпеванием времени года,
Воспеваньем страны и народа
Или просто кончиной поэта.
Ведь еще не успели стихи,
Те, которыми нас одаряли,
Стать гневливой волною в Дарьяле
Или ветром в молдавской степи.

Стать туманом, птицей, звездой
Иль в степи полосатой верстою
Суждено не любому из нас.
Стихотворства тяжелое бремя
Прославляет стоустое время.
Но за это почтут не сейчас.

Ведь она за свое воплощенье
В снегиря царскосельского сада
Десять раз заплатила сполна.
Ведь за это пройти было надо
Все ступени рая и ада,
Чтоб себя превратить в певуна.

Все на свете рождается в муке —
И деревья, и птицы, и звуки.
И Кавказ. И Урал. И Сибирь.
И поэта смежаются веки.
И еще не очнулся на ветке
Зоревой царскосельский снегирь.

СНЕЖНЫЙ ЛИФТ

Все сегодня легко, свежо...
Взять хотя бы вон тот снежок,
Тот, что смехом сыпучим жжет
Твой полуоткрытый рот.
Тот, что падает наискосок
На бульвар, на киоск,
На лоток,
На дома,
На забор из досок.

Он белее, чем белый конь,
Он свежее, чем молоко,
Он навален до самых стрех,
Он просеян сквозь сотню сит.
Вот уже неподвижно висит,
Это город летит вверх.

Город - вверх, мимо снежных сетей,
Город - вверх, на забаву детей.
Мимо снега
Летят фонари,
Окна,
Трубы,
Часы,
Карниз -
Прямо в медленную пургу.

Эй, держись!
Не свались
Вниз!
Там все тоже в снегу!
В снегу!

Если ты сегодня счастлив,

Я возьму тебя в снежный лифт.

Соври, что любишь! Если ложь
Добра, то будь благословенна!
Неужто лучше ржавый нож
И перерезанная вена?

Да! Притворись! Мне правду знать
Невыносимо, невозможно.
Лелей неправды благодать,
Как в колыбели, осторожно.

СОЛОВЬИ ИЛЬДЕФОНСА-КОНСТАНТЫ

Ильдефонс-Константы Галчинский дирижирует соловьями:
Пиано, пианиссимо, форте, аллегро, престо!
Время действия — ночь. Она же и место.
Сосны всплывают в небо романтическими кораблями.

Ильдефонс играет на скрипке, потом на гитаре,
И вновь на скрипке играет Ильдефонс-Константы Галчинский.
Ночь соловьиною трель прокатывает в гортани.
В честь прекрасной Натальи соловьи поют по-грузински.

Начинается бог знает что: хиромантия, волхвованье!
Зачарованы люди, кони, звезды. Даже редактор,
Хлюпяя носом, платок нашаривает в кармане,
Потому что еще никогда не встречался с подобным фактом.

Константы их утешает: «Ну что распустили нюни!
Ничего не случилось. И вообще ничего не случится!
Просто бушуют в кустах соловьи в начале июня.
Послушайте, как поют! Послушайте: ах, как чисто!»

Ильдефонс забирает гитару, обнимает Наталью,
И уходит сквозь сиреневый куст, и про себя судачит:
«Это все соловьи. Вишь, какие каналы!
Плачут, черт побери. Хотят — не хотят, а плачут!..»

» [к списку](#)

» [На отдельной странице](#)

* * *

Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал.
Я любил, размышлял, воевал.
Кое-где побывал, кое-что повидал,
Иногда и счастливым бывал.

Гнев меня обошел, миновала стрела,
А от пули - два малых следа.
И беда отлетала, как капля с крыла;
Как вода, расступалась беда.

Взял один перевал, одолею второй,
Хоть тяжел мой заплечный мешок.
Что же там, за горой? Что же там - под горой?
От высот побелел мой висок.

Сорок лет. Где-то будет последний привал?
Где прервется моя колея?
Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал.
И не допита чаша сия.
1960

СОРОКОВЫЕ

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,

И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало -
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!
1961

СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

Отмерено добро и зло
Весами куполов неровных,
О византийское чело,
Полуулыбка губ бескровных!

Не доводом и не мечом
Царьград был выкован и слеплен.
Наивный варвар был прельщен
Его коварным благолепьем.

Не раз искусный богомаз,
Творя на кипарисных досках,
Его от разрушенья спас
Изображеньем ликов плоских.

И где пределы торжеству,
Когда - добытую жар-птицу -
Везли заморскую царицу
В первопрестольную Москву.

Как шлемы были купола.
Они раскачивались в звоне.
Она на сердце берегла
Как белых ласточек ладони.

И был уже неоспорим

Закон меча в делах условных...
Полуулыбкой губ бескровных
Она встречала Третий Рим.

СТАРИК

Старик с мороза вносит в дом
Охапку дров продрогших.
В сенях, о кадку звякнув льдом,
Возьмет железный ковшик;

Водой наполнит чугунок,
Подбросит в печь полешки.
И станет щелкать огонек
Каленые орешки.

Потом старик найдет очки,
Подсядет ближе к свету,
Возьмет, как любят старики,
Вчерашнюю газету.

И станет медленно читать
И разбираться в смысле
И все события сочетать
В особенные мысли.

СТАРИК ДЕРЖАВИН

Рукоположения в поэты
Мы не знали. И старик Державин
Нас не заметил, не благословил...
В эту пору мы держали
Оборону под деревней Лодвой.
На земле холодной и болотной
С пулеметом я лежал своим.

Это не для самооправданья:
Мы в тот день ходили на задание
И потом в блиндаж залезли спать.
А старик Державин, думая о смерти,
Ночь не спал и бормотал: "Вот черти!
Некому и лиру передать!"

А ему советовали: "Некому?
Лучше б передали лиру некоему
Малому способному. А эти,
Может, все убиты наповал!"
Но старик Державин воровато
Руки прятал в рукава халата,
Только лиру не передавал.

Он, старик, скучал, пасьянс раскладывал.
Что-то молча про себя загадывал.
(Все занятие - по его годам!)
По ночам бродил в своей мурмолочке,
Замерзал и бормотал: "Нет, сволочи!
Пусть пылится лучше. Не отдам!"
Был старик Державин льстец и скарעד,
И в чинах, но разумом велик.
Знал, что лиры запросто не дарят.
Вот какой Державин был старик!

* * *

Старушечье существованье
Зимы под серым колпаком.
И неустанное снованье
Махровых нитей шерстяных.
И даже наше расставанье
Махровым обнято чулком.
И теплым было целованье -
Последнее из всех земных.

СТАРЫЙ ТЮТЧЕВ

Всю дряблость ноября с шатанием и скрипом,
Все всхлипыванья луж и шарканье дождя,
И все разрывы струн в ночном канкане диком
Я опишу потом, немного погодя.

И скрою ту боязнь, что не дождусь рассвета,
Хоть знаю - нет конца канкану и дождю,
Хоть знаю, сколько дней до окончанья света.

Об этом не скажу. Немного подожду.

Что означает ночь? Что нас уже приперло.
Приперло нас к стене. А время - к рубежу.
Вот подходящий час, чтоб перерезать горло.
Немного подожду. Покуда отложу.

СТИХИ О ДЕЛЬВИГЕ

I

Дельвиг... Леня... Младая дева...
Утро... Слабая метель...
Выплывает из напева
Детской елки канитель.

Засыпай, окутан ленью.
В окнах — снега белизна.
Для труда и размышленья
Старость грубая нужна.

И к чему, на самом деле,
Нам тревожить ход времен!
Белокурые метели...
Дельвиг... Дева... Сладкий сон...

II

Две жизни не прожить.
 А эту, что дана,
Не все равно — тянуть
 длиннее иль короче?
Закуривай табак,
 налей себе вина,
Поверь бессоннице
 и сочиняй полночи.
Нет-нет, не зря
 хранится идеал,
Принадлежащий поколенью!..
О Дельвиг,
 ты достиг такого ленью,
Чего трудом
 не каждый достигал!

И в этом, может быть,
 итог
Почти полвека,
 нами прожитого,—
Промолвить Дельвигу
 доверенное слово
И завязать шейной платок.

* * *

Стихи читаю Соколова —
Не часто, редко, иногда.
Там незаносчивое слово,
В котором тайная беда.

И хочется, как чару к чаре,
К его плечу подать плечо —
И от родства, и от печали,
Бог знает от чего еще!..

* * *

Странно стариться,
Очень странно.
Недоступно то, что желанно.
Но зато бесплотное весомо -
Мысль, любовь и дальний отзвук грома.
Тяжелы, как медные монеты,
Слезы, дождь. Не в тишине, а в звоне
Чьи-то судьбы сквозь меня продеты.
Тяжела ладонь на ладони.
Даже эта легкая ладошка
Ношей кажется мне непосильной.
Непосильной,
Даже для двужильной,
Суетной судьбы моей... Вот эта,
В синих детских жилках у запястья,
Легче крылышка, легче пряжи,
Эта легкая ладошка даже
Давит, давит, словно колокольня...
Раздавила руки, губы, сердце,

Маленькая, словно птичье тельце.

СТРАСТЬ

В страстях, в которых нет таланта,
Заложено самоубийство
Или, убийство. Страсти Данта
Равны ему. Растут ветвисто.

Страсть - вовсе не прообраз адюльтера
В ней слепота соседствует с прозреньем,
С безмерностью - изысканная мера:
Слиянье Бога со своим твореньем.

В ней вожделенья нет. И плотью в ней не пахнет.
Есть страсть духовная. Все остальное - ложь.
И криворотый образ леди Макбет,
Которая под фартук прячет нож.

ТАЛАНТЫ

Их не ждут. Они приходят сами.
И рассаживаются без спроса.
Негодующими голосами
Задают неловкие вопросы.

И уходят в ночь, туман и сырость
Странные девчонки и мальчишки,
Кутаясь в дешевые пальтишки,
Маменьками шитые навывост.

В доме вдруг становится пустынно,
И в уютном кресле неудобно.
И чего-то вдруг смертельно стыдно,
Угрызенью совести подобно.

И язвительная умудренность
Вдруг становится бедна и брэнна.
И завидны юность и влюбленность,
И былая святость неизменна.

Как пловец, расталкиваю ставни
И кидаюсь в ночь за ними следом,
Потому что знаю цену давним
Нашим пораженьям и победам...

Приходите, юные таланты!
Говорите нам светло и ясно!
Что вам - славы пестрые заплаты!
Что вам - низких истин постоянство!

Сберегите нас от серой прозы,
От всего, что сбило и затерло.
И пускай бесстрашно льются слезы
Умиленья, зависти, восторга!

ТРЕВОГА

Долго пахнут порохом слова.
А у сосен тоже есть стволы.
Пни стоят, как чистые столы,
А на них медовая смола.

Бабы бьют вальками над прудом -
Спящим снится орудийный гром.
Как фугаска, ухает подвал,
Эхом откликаясь на обвал.

К нам война вторгается в постель
Звуками, очнувшись вдруг,
Ломотой простреленных костей,
Немотою обожженных рук.

Долго будут в памяти слова
Цвета орудийного ствола.
Долго будут сосны над травой
Окисью синеть пороховой.

И уже ничем не излечим
Пропитавший нервы непокой.
"Кто идет?" - спросонья мы кричим
И наганы шарим под щекой.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

С любовью дружеской и братской
Я вновь сегодня помяну
Всех декабристов без Сенатской,
Облагородивших страну.

Сыны блистательной России,
Горевшие святым огнем,
Отечество не поносили -
Радели искренно о нем.

К их праху, после муки черной,
Всех неурядиц и невзгод
Народ России просвещенной
Благоговейно припадет.

II

Откладыватель в долгий ящик,
На послезавтра, на потом,
Певец каникул предстоящих,
Дней, не заполненных трудом.

Ленивец, нелюбитель спешки,
И постепенности пророк,
Я раздавал свои усмешки,
Пока всему не вышел срок.

Теперь уже не до усмешек,
Когда азартно, как юнец,
Нагромоздив орлов и решек,
Играет время в расшибец.

И делает уже попытки
Втянуть нас в дикую войну,
Чтоб мы рассыпались от битки,
Как гривенники на кону.

III

В. М. Василенко

Свободы нет. Порыв опасный
Отнюдь не приближает к ней.
Лишь своевольтва дух всевластный
Осуществляется вольней.

Но все же в звездные минуты
Мы обольщаемся мечтой.
И кровь кипит. И судьбы вздуты,
Как парус, ветром налитой.

И в упоенном нетерпенье
Рвем узы тягостных тенет.
И сокрушаем угнетенье,
Чтоб утвердился новый гнет.

* * *

Ты не добра.
Ко мне добра.
Ты не жестока.
Ты со мной жестока.
Хоть ты из моего ребра,
Но требуешь
За око
Око.

Я очи отдал.
Новая заря
Прольется на меня,
Как неживая
Тогда найду себе поводыря.
И побредем мы,
Песни распевая.

* * *

Ты подарила мне вину,
Как крепость старому вину.

Сперва меня давила в чане,
Как кахетинские крестьяне
Тугие грозди Алазани
Жмут, беспощадные к плодам.

Потом меня лишила плоти.
А кровь мою, что изопьете,
Я при застолье вам подам.

* * *

Ты скажи, чем тебя я могу одарить?
Ни свободой, ни силой, ни славой,
Не могу отпустить тебя жить и творить
И свой путь по земле невозбранно торить,-
Только горстью поэзии шалой.

Потому-то у нас перекресток пути,
Потому-то нам в разные страны идти,
Где мы оба недолго покружим.

Ты раздаривать будешь осенний букет,
Я разбрасывать старости злой пустоцвет,
Что лишь мне самому только нужен.

* * *

Упущенных побед немало,
Одержанных побед немного,
Но если можно бы сначала
Жизнь эту вымолить у бога,
Хотелось бы, чтоб было снова
Упущенных побед немало,
Одержанных побед немного.
1975

* * *

Устал. Но все равно свербишь,
Настырный яд, наперекор хотеньям.

Как будто душу подгрызает мышь.
Душа живет под солнечным сплетеньем.

Казалось, что она парит везде
И незаметно нам ее передвиженье.
И почему теперь я знаю, где
Ее точнейшее расположенье?

И почему она
В иные времена
Как бы растворена в потоке ровной воли?
Как будто нет ее. И лишь в минуты боли
Я знаю: есть душа и где она.

» [к списку](#)

» [На отдельной странице](#)

ФАНТАЗИЯ

Фантазия - болезнь причин и следствий,
Их раж, их беззаконный произвол.
И непоследовательность последствий.
Фантазия! Она начало зол!

Фантазия - свержение с престола,
Разъятье мировых кругов и сфер.
Ее для нас придумал Люцифер.
Фантазия - слепая ярость пола.

Ломание рогов и рык самца.
Крушение систем и крах теорий.
Она - недостоверность всех историй
До гибельной нелепости свинца.

В ней странно то, что голубых красот
Нам не рисует кисть воображенья.
А только хаос, только разрушенье.
Ее не сыщешь в у строенье сот,

В идиллии пчелиных медосборов,
В мелодиях аркадских пастушков...
Несчастлив тот, кто испытал, каков
Ее неукротимый нор.

ФИНАЛ

Любить, терзать, впадать в отчаянье.
Страдать от признака бесчестья
И принимать за окончание
Начала тайное предвестье.

Утратить волю, падать, каяться,
Решаться на самоубийство,
Играть ва-банк, как полагается
При одаренности артиста.

Но, перекраивая наново
Все театральные каноны,
Вдруг дать перед финалом занавес
И пасть в объятья Дездемоны.

* * *

Химера самосохраненья!
О, разве можно сохранить
Невыветренными каменья
И незапутанною нить!

Но ежели по чьей-то воле
Убережешься ты один
От ярости и алкоголя,
Рождающих холестерин;

От совести, от никотина,
От каверзы и от ружья,—
Ведь все равно невозвратима
Незамутненность бытия.

Но есть возвышенная старость,
Что грозно вызревает в нас,
И всю накопленную ярость
Приберегает про запас,

Что ждет назначенного срока
И вдруг отбрасывает щит.

И тычет в нас перстом пророка
И хриплым голосом кричит.

* * *

Хочется синего неба
И зеленого леса,
Хочется белого снега,
Ярко-желтого лета.

Хочется, чтоб отвечало
Все своему назначенью:
Чтоб начиналось с начала,
Вовремя шло к завершенью.

Хочется шуток и смеха
Где-нибудь в шумном скопище.
Хочется и успеха,
Но на хорошем поприще.

* * *

Хочу, чтобы мои сыны
и их друзья
несли мой гроб
в прекрасный праздник погребенья.
Чтобы на их плечах
сосновая ладья
плыла неспешно,
но без промедленья.

Я буду горд и счастлив
в этот миг
переселенья в землю,
что слуха мне не ранит
скорбный крик,
что только небу
внемлю.

Как жаль, что не услышу тех похвал,
и музыки,
и пенья!

Ну что же
Разве я существовал
в свой день рожденья!

И все ж хочу,
чтоб музыка лилась,
ведь только дважды дух ликует:
когда еще не существует нас,
когда уже не существует.

И буду я лежать
с улыбкой мертвеца
и неподвластный
всем недугам.
И два беспамятства -
начала и конца -
меня обнимут
музыкальным кругом.

ЦИРК

Отцы поднимают младенцев,
Сажает в моторный вагон,
Везут на передних сиденьях
Куда-нибудь в цирк иль кино.
И дети солидно и важно
В трамвайное смотрят окно.

А в цирке широкие двери,
Арена, огни, галуны,
И прыгают люди, как звери,
А звери, как люди, умны.

Там слон понимает по-русски,
Дворняга поет по-людски.
И клоун без всякой закуски
Глокает чужие платки.

Обиженный кем-то коверный
Несет остроумную чушь.
И вдруг капельмейстер проворный
Оркестру командует туш.

И тут верховые наяды

Слетают с седла на песок.
И золотом блещут наряды,
И купол, как небо, высок.

А детям не кажется странным
Явление этих чудес.
Они не смеются над пьяным,
Который под купол полез.

Не могут они оторваться
От этой высокой красы.
И только отцы веселятся
В серьезные эти часы.

ЧЕРНЫЙ ТОПОЛЬ

Не белый цвет и черный цвет
Зимы сухой и спелой -
Тот день апрельский был одет
Одной лишь краской - серой.

Она ложилась на снега,
На березняк сторукий,
На серой морде битюга
Лежала серой скукой.

Лишь черный тополь был один
Весенний, черный, влажный.
И черный ворон, нелюдим,
Сидел на ветке, важный.

Стекали ветки как струи,
К стволу сбегали сучья,
Как будто черные ручьи,
Рожденные под тучей.

Подобен тополь был к тому ж
И молнии застывшей,
От серых туч до серых луж
Весь город пригвоздившей.

Им оттенялась белизна
На этом сером фоне.

И вдруг, почуяв, что весна,
Тревожно ржали кони.

И было все на волоске,
И думало, и ждало,
И, словно жилка на виске,
Чуть слышно трепетало -
И талый снег, и серый цвет,
И той весны начало.

* * *

Чет или нечет?
Вьюга ночная.
Музыка лечит.
Шуберт. Восьмая.

Правда ль, нелепый
Маленький Шуберт,—
Музыка — лекарь?
Музыка губит.

Снежная скатерть.
Мука без края.
Музыка насмерть.
Вьюга ночная.

ШУБЕРТ ФРАНЦ

Шуберт Франц не сочиняет -
Как поется, так поет.
Он себя не подчиняет,
Он себя не продает.

Не кричит о нем газета,
И молчит о нем печать.
Жалко Шуберту, что это
Тоже может огорчать.

Знает Франц, что он кургузый
И развязности лишен,
И, наверно, рядом с музой

Он немножечко смешон.

Жаль, что дорог каждый талер,
Жаль, что дома неуют.
Впрочем - это все детали,
Жаль, что песен не поют!..

Но печали неуместны!
И тоска не для него!..
Был бы голос! Ну а песни
Запоются! Ничего!

Хочется мирного мира
И счастливого счастья,
Чтобы ничто не томило,
Чтобы грустилось не часто.

ЭЛЕГИЯ

Дни становятся все сероватей.
Ограды похожи на спинки железных кроватей.
Деревья в тумане, и крыши лоснятся,
И сны почему-то не снятся.
В кувшинах стоят восковые осенние листья,
Которые схожи то с сердцем, то с кистью
Руки. И огромное галок семейство,
Картаво ругаясь, шатается с места на место.
Обычный пейзаж! Так хотелось бы неторопливо
Писать, избегая наплыва
Обычного чувства пустого неверья
В себя, что всегда у поэтов под дверью
Смеется в кулак и настойчиво трется,
И черт его знает - откуда берется!

Обычная осень! Писать, избегая неверья
В себя. Чтоб скрипели гусиные перья
И, словно гусей белоснежных станицы,
Летели исписанные страницы...
Но в доме, в котором живу я - четырехэтажном,-
Есть множество окон. И в каждом
Виднеются лица:
Старухи и дети, жильцы и жилицы,
И смотрят они на мои занавески,
И переговариваются по-детски:

- О чем он там пишет? И чем он там дышит?
Зачем он так часто взирает на крыши,
Где мокрые трубы, и мокрые птицы,
И частых дождей торопливые спицы? -

А что, если вдруг постучат в мои двери
и скажут: - Прочтите.

Но только учтите,
Читайте не то, что давно нам известно,
А то, что не скучно и что интересно...

- А что вам известно?

- Что нивы красивы, что люди счастливы,
Любовь завершается браком,
И свет торжествует над мраком...

- Садитесь, прочту вам роман с эпилогом.

- Валяйте! - садятся в молчании строгом.

И слушают.

Он расстается с невестой.

(Соседка довольна. Отрывок прелестный.)

Невеста не ждет его. Он погибает.

И зло торжествует. (Соседка зевает.)

Сосед заявляет, что так не бывает,

Нарушены, дескать, моральные нормы

И полный разрыв содержания и формы...

- Пойдите, пойдите! Но вы же просили...

- Просили! И просьба останется в силе...

Но вы же поэт! К моему удивленью,

Вы не понимаете сути явлений,

По сути - любовь завершается браком,

А свет торжествует над мраком.

Сапожник Подметкин из полуподвала,

Доложим, пропойца. Но этого мало

Для литературы. И в роли героя

Должны вы его излечить от запоя

И сделать счастливым супругом Глафиры,

Лифтерши из сорок четвертой квартиры.

.....

На улице осень... И окна. И в каждом окошке

Жильцы и жилицы, старухи, и дети, и кошки.

Сапожник Подметкин играет с утра на гармошке.

Глафира выносит очистки картошки.

А может, и впрямь лучше было бы в мире,

Когда бы сапожник женился на этой Глафире?

А может быть, правда - задача поэта

Упорно доказывать это:

Что любовь завершается браком,
А свет торжествует над мраком.

* * *

Я вас измучил не разлукой - возвращеньем,
Тяжелой страстью и свинцовым мщеньем.
Пленен когда-то легкостью разлук,
Я их предпочитал, рубя узлы и сети.
Как трудно вновь учить азы наук
В забушевавшем университете!

Как длинны расстоянья расставаний!..
В тоске деревья... Но твоя рука
И капор твой в дожде. И ночью ранней
Угрюмый стук дверного молотка...

* * *

А.А.

Я вышел ночью на Ордынку.
Играла скрипка под сурдинку.
Откуда скрипка в этот час —
Далеко за полночь, далеко
От запада и от востока —
Откуда музыка у нас?

* * *

Я написал стихи о нелюбви.
И ты меня немедля разлюбила.
Неужто есть в стихах такая сила,
Что разгоняет в море корабли?

Неужто без руля и без ветрил
Мы будем врозь блуждать по морю ночью?
Не верь тому, что я наговорил,
И я тебе иное напророчу.

* * *

Я недругов своих прощаю
И даже иногда жалею.
А спорить с ними не желаю,
Поскольку в споре одолею.

Но мне не надо одолеть их,
Мои победы не крылаты.
Ведь будем в дальних тех столетьях
Они и я не виноваты.

Они и мы не виноваты,
Так говорят большие дни.
И потому условны даты,
И правы мы или они...